

Санкт-Петербургский государственный университет

СИГАРЕВ Иван Сергеевич

Выпускная квалификационная работа

Сравнительный анализ концепций биополитики в политической философии М. Фуко, Дж. Агамбена и А. Негри

Уровень образования: бакалавриат

Направление 41.03.04 «Политология»

Основная образовательная программа СВ.5027* «Политология»

Научный руководитель:
Доцент кафедры теории и философии политики,
кандидат философских наук,
Полякова Наталья Валерьевна

Рецензент:
Доцент кафедры «История, философия, политология и социология»
Петербургского государственного университета путей сообщения
Императора Александра I (ПГУПС),
кандидат политических наук,
Зиновьев Андрей Олегович

Санкт-Петербург
2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КОНЦЕПТА БИОПОЛИТИКИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ XX ВЕКА.....	10
1.1. Концепт «биополитика»: исторические предпосылки и теоретико-методологические основания.....	10
1.2. Биополитика (и биовласть) в контексте политической философии М. Фуко.....	19
ГЛАВА 2. КОНЦЕПЦИИ БИОПОЛИТИКИ В ПОСТФУКИАНСКИЙ ПЕРИОД: ДЖ. АГАМБЕН И А. НЕГРИ	28
2.1. Концепция биополитики в политической философии Дж. Агамбена	28
2.2. Онтологизация биополитики в работах А. Негри.....	38
2.3. Сравнительный анализ концепций биополитики в работах М. Фуко, Дж. Агамбена, А. Негри.....	56
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	69
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	73

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Современный мир очень сложно представить без инновационных концепций не только в науке, но и в политике. В XXI веке принято считать, что глобализация и демократия – это те столпы, на которых держится современная цивилизация. При этом редко задумываются о том, что сама по себе политика – это не только государственный аппарат. Политикой также нельзя назвать и нормативные документы, которые выпускаются конкретной государственной инстанцией, занимающейся определённым процессом делопроизводства. Политика всегда включает управление, как телом, так и душой конкретного человека как гражданина определенного государства. Отсюда и будет вытекать основная проблематика работы, связанная с политологическим и философским анализом взглядов современных ученых на характер протекания биополитических процессов и сущность биополитических феноменов.

В современных условиях постоянной трансформации политических процессов интерес к понятию биополитики растет как в западных социальных науках, так и в отечественных. В текущей политической повестке это актуально обсуждаемый набор социально-политических практик и подходов к организации деятельности людей. Стоит отметить тот факт, что впервые понятие биополитики появилось, по мнению ряда исследователей, в работах шведского политолога Рудольфа Челлена¹. Но именно французский политический философ Мишель Фуко в конце 70-х годов XX в. заложил новое, политико-философское содержание в концепт биополитики как органического термина, которое позволило изменить вектор исследований и уйти от ограниченности социобиологизма.

---

¹ См.: Челлен Р. Государство как форма жизни. М.: Издательство: Российская политическая энциклопедия, 2008. С.143; Kjellén R. Grundriss Zu Einem System Der Politik. Leipzig:Leipzig, S. Hirzel, 1910. М.: Нобель Пресс, 2011. См. так же: Ден В. Э. Учение Рудольфа Челлена о предмете и задачах геополитики // Известия РГО. 1997. Т. 129. Вып. 1. С. 26–38.

Актуальность данной работы заключается в её практической применимости. Понятие «биополитика» в современном медийном и научном пространстве представляет собой дискуссионную проблему, по поводу которой ведутся споры не только в рамках академического сообщества, но и в рамках высших эшелонов власти. Это понятие включено в актуальную политическую повестку, а биополитические методы воздействия на людей, которые сегодня присутствуют в современном государственном регулировании общества, были апробированы на практике и сегодня продолжают прорабатываться управленцами, определяющими курс развития тех или иных социально-политических институтов. Примером данной апробации является наша страна. Такие мероприятия, как программы поддержки семьи, выплаты материнского капитала при рождении второго и третьего ребёнка, повышение пенсионного возраста, внесение новых поправок в Конституцию РФ – это лишь малая часть тех процессов, в которых задействован потенциал биополитических принципов и методов.

Проблемы применения биополитических принципов и методов приобретают особую актуальность в связи с назревающим глобальным политическим и социально-экономическим кризисом, разворачивающимся в условиях Covid-19. Как отмечают специалисты, «пандемия коронавируса COVID-19 стала неожиданным и серьезным шоком для большинства мировых стран. Несмотря на то, что изначально этот кризис спровоцирован медицинскими эпидемиологическими проблемами, его развитие имеет важный экономический аспект, так как вводимые для борьбы с вирусом меры несут крайне высокие экономические издержки.¹ Пандемия коронавирусной инфекции стала одним из косвенных факторов и глобального социально-политического кризиса, который затронул, например, страны Евросоюза.

---

¹Ениколопов Р. Введение // Экономическая политика во времена COVID-19. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: [https://www.nes.ru/files/COVID19\(21apr2020\).pdf](https://www.nes.ru/files/COVID19(21apr2020).pdf) (дата доступа: 14.05.2020)

С точки зрения ряда экспертов, в частности С. Шеина, коронавирусная пандемия выступает фактором кардинального изменения соотношения сил между технократизмом и популизмом.¹ Выход Великобритании из Евросоюза (Brexit), изначальный выбор Швейцарии и продолжающийся отказ швейцарцев от вступления в Евросоюз, а также кризис европейской солидарности в связи пандемией коронавируса, приводящей к «технократическому сдвигу», - это лишь некоторые из тех тенденций, которые могут привести к распаду Евросоюза как политического и экономического объединения.

Актуальность темы данной выпускной квалификационной работы также обусловлена возрастанием интереса к данной проблематике в современном социогуманитарном дискурсе, но вместе с тем недостаточной проработанностью теоретического анализа понятия «биополитика». Феномен биополитики нельзя рассматривать в отрыве от широкого исторического, культурного и социального контекста, в котором развивается биополитическая теория. На современном этапе существует несколько широких контекстов, в которых используют термин «биополитика». Одним из них является философский контекст, впервые обозначенный в работах М. Фуко. Французский философ в конце 70-х годов прошлого века начал использовать это понятие с целью продемонстрировать специфичность современных политических практик, ориентированных на включение различных проявлений человеческой жизни, например, феноменов рождения и смерти, в орбиту властных интересов. В дальнейшем, в постфукианский период, философский контекст «биополитики» получил свое наиболее полное развитие в творчестве таких современных итальянских авторов, как Дж. Агамбен и А. Негри, которые оказали значительное влияние на формирование и развитие современного концепта биополитики.

---

¹ Шеин М. Европейская политика и коронакризис: технократизм vs популизм. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://globalaffairs.ru/articles/evropolitika-korona-tehnokratizm/> (дата обращения: 19.05.2020)

Степень научной разработанности темы

Анализируя научную литературу, можно отметить, что накоплен большой объем материала, посвященного исследованию различных аспектов феномена биополитики.

Феномен биополитики находится в центре внимания как отечественных, так и западных ученых. Проблемы биополитики, в том числе с политологической точки зрения, рассматривали отечественные политологи, философы, социологи и биологи. В советский и постсоветский периоды вопросы биополитики стали предметом научного рассмотрения в трудах А.М. Каримского¹, А.Т. Зуба², Р.С. Карпинской³. Среди данных авторов следует отметить вклад А.Т. Зуба в популяризацию термина «биополитика» для отечественной науки: в своей докторской диссертации данный автор сделал акцент на формировании различных подходов к анализу биополитики в контексте эволюционного развития политических наук.

За последние пять-семь лет вышли интересные и достаточно нестандартные работы отечественных специалистов в области французской политической мысли второй половины XX века. Среди них можно выделить работы И.И. Кобылиной⁴, О.В. Самовольновой⁵, А.Ю. Опарина⁶, А.И. Желнина⁷.

¹ Каримский А.М. Социальный биологизм: природа и идеологическая направленность. М.: Мысль, 1984. 208 с.

² Зуб А.Т. Социобиологические подходы к некоторым проблемам социальной теории // Западная теоретическая социология 80-х годов. М.: ИНИОН АН СССР, 1989. С. 96–124; Зуб А.Т. Биология и политика (методологический анализ биополитической исследовательской программы). Докторская диссертация. М.: МГУ, 1994; Зуб А.Т. Социобиология: возможности и границы в исследовании природы человека // Проблема человека в философии / Под ред. А.Т. Зуба. М.: Университетский гуманитарный мир, 1998. С. 64–72.

³ Карпинская Р.С., Никольский С.А. Социобиология. Критический анализ. М.: Мысль, 1988. 203 с.; См. так же: Карпинская Р.С. Биология в контексте глобального эволюционизма // Глобальный эволюционизм. М.: Изд-во ИФ РАН, 1994. 150 с.; Карпинская Р. С., Лисеев И. К., Огурцов А. П. Философия природы: коэволюционная стратегия. М.: Фирма "Интерпракс", 1995. 352 с.

⁴ Кобылин И.И. Исток и сингулярность. Джорджо Агамбен и Мишель Фуко о рождении биовласти // Философия и общество. № 3(63). 2011. С. 171-183.

⁵ Самовольнова О.В. Социально-философский анализ основных концепций биополитики: М. Фуко, Дж. Агамбен, А. Негри // Вестник РГГУ. Сер. «Философия. Социология Искусствоведение». № 2 (10). 2017 С. 261-271.

⁶ Опарин А.Ю. Концепция биополитики Мишеля Фуко в контексте современного нелиберального социального порядка // Сахаровские чтения 2018 года: экологические проблемы XXI века. Минск, 2018. С. 84-86.

⁷ Желнин А.И. Биополитика и биополитическая экономия: сущность концептов // Вестник Пермского государственного национального исследовательского университета 3(10). 2019. С. 320-330.

В западной науке проблемы биополитики разрабатывались такими авторами, как А. Сомит¹, С. Петерсон², Г. Шуберт³, Р. Мастерс⁴ и др. Т. Горсон в работе «Биополитика»⁵ анализирует развитие биополитики как важный период социальной эволюции. В данных работах биополитика выступает как:

1. основа неолиберального порядка (стык науки и политической конъюнктуры);
2. как биополитическая экономия (экономическая сфера, переплетённая с философией и политикой);
3. основа современного социального порядка (стык философии и социологии).

Объектом данной выпускной квалификационной работы является политическая философия М. Фуко, Дж. Агамбена и А. Негри, а **предметом** выступают концепции биополитики, представленные в политико-философском творчестве М. Фуко, Дж. Агамбена и А. Негри.

Цель работы – проанализировать вклад политической философии М. Фуко, Дж. Агамбена, А. Негри в развитие концепций биополитики и провести сравнительный анализ этих политико-философских концепций.

Поставленная цель реализуется через решение **следующих задач**:

1. проанализировать исторические предпосылки и теоретико-методологические основания формирования концепта «биополитика»;
2. рассмотреть феномен биовласти и биополитики в контексте «фукианской» политической философии;
3. определить специфику оформления концепции биополитики в политической философии Дж. Агамбена;

¹ Somit A. Toward a more biologically oriented political science // Midwest J. Polit. Sci. 1968. V. 12. P. 550–567; Somit A., Slagter R. Biopolitics: Heutiger Stand und weitere Entwicklung // Politik und Biologie. Beiträge zur Life-Science-Orientierung der Sozialwissenschaften. Berlin: Verlag Paul Parey, 1983. P. 31–37.

² Somit, A., & Peterson, S. A. Biopolitics and mainstream political science. Dekalb: Program for Biosocial Research. 1990. 255 p.

³ Schubert G. Evolutionary Politics. Carbondale: Southern Illinois University Press. 1989. 424 p.

⁴ Masters D. The Nature of Politics. New Haven: Yale University Press. 1989. 315 p.

⁵ Thorson, T. L. Biopolitics. New York: Holt, Rinehart and Winston. 1970. 224 p.

4. выявить тенденцию к онтологизации биополитики в политической философии А. Негри;
5. провести сравнительный анализ философских концепций биополитики в трудах М. Фуко, Дж. Агамбена и А. Негри.

Теоретико-методологическую основу исследования составили работы французского философа М. Фуко, в которых проходило теоретико-методологическое оформление понятия «биополитика», а также работы итальянских философов Дж. Агамбена и А. Негри, продолживших рассуждения Фуко в вопросе биополитики. Кроме того, теоретической основой стали труды отечественных и зарубежных авторов, рассматривающих проблему биополитики как многоаспектный феномен, являющийся важным элементом современных властных стратегий.

Методологическая основа исследования определена поставленными задачами. Ее основой стал сравнительный метод, позволивший провести компаративный анализ отдельных элементов фукианской концепции биополитики, а также различных аспектов концепций биополитики в работах итальянских философов. Использование исторического метода было направлено на интерпретацию особенностей возникновения и развития концепций биополитики. Системный подход позволил комплексно рассмотреть представление изучаемого феномена в общем контексте теории политической власти М. Фуко, а также в рамках политической философии Дж. Агамбена и А. Негри.

Использование междисциплинарного подхода было обусловлено тем фактом, что биополитика – это достаточно непростой для проработки концепт, в котором на данный момент времени используются достижения не только политической философии, но и смежной с ней дисциплин, куда входят политология, экономика, экология, социология, психология, биология и многих других наук. В информатике есть правило: ни одна система не может быть понята внутри самой этой системы, т.е. внутри самой себя. Для нас важно будет показать работу «биополитики» как концепции, выходящей за рамки

политической философии с тем, чтобы понимать современное состояние дел в области политической сферы, окружающей нас.

Поставленные цели и задачи предопределили логику и **структуру работы**. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, включающих пять параграфов, заключения и списка использованной литературы (106 наименований).

ГЛАВА 1. ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КОНЦЕПТА БИОПОЛИТИКИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ XX ВЕКА

1.1. Концепт «биополитика»: исторические предпосылки и теоретико-методологические основания

Понятие «биополитики» в последнее время стало одним из основных в современной философии и других социальных науках. Биополитика относится к таким явлениям, как политическая концепция гражданства и прав человека, проблемы войны с терроризмом и социального запроса на безопасность, наблюдение за общественными пространствами, коммуникациями и данными, попытки контролировать общества и население, а также проекты генома человека, расшифровка ДНК и трансплантация органов и др.

Таким образом, теория биополитики является междисциплинарной критической теорией, граничащей с политикой, правом и биологическими науками, включая медицину, биологию и генетику. В то же время, проблема биополитики, гранича с политическим и биологическим, составляет философский вопрос, который начинается с различия Аристотелем между *Zoe* и *Bios* и до сих пор сохраняется в современных философских и политологических исследованиях.

В последние годы появилось много важных работ, определяющих тематическое богатство биополитических исследований. Роберто Еспозито в работе «Биополитика и философия»¹ указывает на тесную связь между биополитикой, философией и проектом современности. Томас Лемке в труде «Биополитика: расширенное введение»², описывает широкий спектр биополитических теорий и анализирует их важность для последних

---

¹ Esposito R. *Bios: Biopolitics and Philosophy*. Minneapolis: Minnesota University Press, 2008. 304 p. См. так же: Esposito R. *Persons and Things: From the Body's Point of View*. Cambridge: Polity Books, 2015. 147 p. Esposito R. *Two. The machine of political theology and the place of thought*. New York: Fordham University Press, 2015. 248 p.

² Lemke T., *Biopolitics: An Advanced Introduction*. New York: New York University Press, 2011. 158 p.

политологических задач. В сборнике «Тактическая биополитика: искусство, активизм и техничность»¹, изданном Беатриксой да Коста и Кавитой Филиппом, обсуждается биополитика в контексте биоарта и биологических наук. В другом сборнике «За пределами биополитики: эссе об управлении жизнью и смертью»², изданном Патрисией Клаф и Крейгом Уиллсом, биополитика рассматривается как средство контроля населения, гендера и расовой принадлежности. В более поздней работе «Биополитика: читатель» (2013), написанной под редакцией Тимоти Кэмпбелла и Адама Ситце, отбираются и структурируются многие важные тексты, написанные по биополитике Мишелем Фуко, Ханной Арендт, Джорджо Агамбеном, Антонио Негри, Роберто Эспозито, Жилем Делезом, основывая и определяя биополитику как новую область исследований.

Хотя термин «биополитика» обычно ассоциируется с М.Фуко, он впервые был употреблён в научном смысле в начале двадцатого века в контексте разработки виталистических теорий государства. Как указывает Эспозито, наиболее важными работами по биополитике являются «*Zum Werden und Leben der Staaten*»³ Карла Биндинга, «*Der Staat als lebendiger Organismus*» Эберхарда Деннера⁴ и «*Der Staat, Ein Lebenswesen*» Эдварда Хана⁵. Все эти тексты интерпретируют и определяют концепт «биополитика» как относительно современный концепт, отражающий реалии первой половины XX века. Хотя концепция биополитики теперь кажется знакомой, возможно, мало кто знает, что у нее почти столетняя история. Существует огромное разнообразие в трактовках данного концепта, поскольку проблемы биополитики являются междисциплинарной областью исследования.

---

¹ Da Costa, Beatriz and Philip K. , eds. *Tactical Biopolitics: Art, Activism, and Technoscience*. Cambridge: MIT Press. 2008. 536 p.

² Clough, P. and Wilse, C., eds. *Beyond Biopolitics: Essays on the Governance of Life and Death*. Durham,: Duke University Press. 2011. 400 p.

³ Binding K. *Zum Werden und Leben der Staaten*. Munich: Zehn Staatsrechtliche Abhandlungen. Munich: Dunckerand Humblot.1920. 164 p.

⁴ Dennert, E. *Der Staat als lebendiger Organismus*. Halle: C. E. Müller, 1920. 170 p.

⁵ Hahn, E. *Der Staat, ein Lebenswesen*. Munich: Dt. Volksverlag. 1926. 134 p.

Концепция биополитики возникла в этом интеллектуальном контексте в начале 20-го века. Шведский политолог, профессор в Университете Уппсала Рудольф Челлен был одним из первых, кто использовал его в своей работе «Grundriss zu einem System der Politik», которая была опубликована в 1920 г.¹ «Это напряжение, которое характерно для самой жизни... подтолкнуло меня к обозначению такой дисциплины биополитика, которая аналогична науке о жизни, а именно биологии... Называя его таким образом, вы также выражаете ту зависимость законов жизни, которую общество проявляет, от того, что больше всего на свете зависит от самого государства, от роли арбитра или как минимум от посредника».²

Другими словами, вместо того, чтобы определять государство как продукт права и общественного договора, Челлен рассматривает государство как «живую форму», как саморегулирующийся организм.

Челлен следовал органистической концепции государства и считал государства сверхиндивидуальными существами, которые так же реальны, как люди, только диспропорционально больше и мощнее в отношении процесса их развития»³. Для Челлена естественной формой государственности является национальное государство, которое выражает «этническую индивидуальность»⁴. «Государство как форма жизни» в конечном счете, характеризуется, по его мнению, социальной борьбой за интересы и идеи, озвученные классами и группами. В связи с этим убеждением Челлен вводит концепт биополитики: «Ввиду такого напряжения, типичного для самой жизни у меня возникло желание обозначить эту дисциплину после специальной науки биологии как биополитику... В гражданской войне между социальными группами слишком ясно признается беспощадность жизненной борьбы за существование и рост, в

---

¹ Kjellén, R. Grundriss zu einem System der Politik. Leipzig: Hirzel, 1921. 130 p.

² Kjellén, R. Grundriss zu einem System der Politik. Leipzig: Hirzel, 1921. P. 3-4.

³ Челлен Р. Государство как форма жизни. М.: Издательство: Российская политическая энциклопедия, 2008. С. 143. См.: Kjellén, R. Der Staat als Lebensform. Leipzig, 1917.

⁴ Челлен Р. Государство как форма жизни. М.: Издательство: Российская политическая энциклопедия, 2008. С.156. См.: Kjellén, R., Staten som lifsform. Stockholm, 1916. P. 103.

то же время внутри групп можно обнаружить мощное сотрудничество с целью совместного существования".¹

Челлен был не одинок в понимании государства как «живого организма» или «живого существа». Многие из его современников, а именно политологи и специалисты в области публичного права, а также биологи и работники здравоохранения, считали государство коллективным субъектом, который руководит своим телом и духом. Многие из этих людей видели в политике, экономике, культуре и праве лишь выражения тех же самых органических сил, которые составляют государство и определяют его специфические характеристики².

Органистическая концепция понимает государство не как правовую конструкцию, чье единство и согласованность являются результатом индивидуальности, но как оригинальную форму жизни, которая предшествует отдельным лицам и коллективам и обеспечивает институциональную основу для их деятельности. Основное предположение состоит в том, что все социальные, политические и правовые связи опираются на живое целое, которое воплощает в себе подлинное и вечное, здоровое и ценное. Ссылка на «жизнь» служит здесь и мифической отправной точкой, и нормативным ориентиром. Кроме того, она ускользает от любой рациональной основы или демократического принятия решений. С этой точки зрения, только политика, которая ориентируется на биологические законы и воспринимает их как руководство может считаться законным и соразмерным реальности.

В период национал-социализма антидемократический, консервативный характер органистической концепции государства приобрел расистский уклон. Широко используемая метафора «тела народа» (*Volkskörper*) в это время

---

¹ Kjellén, Rudolf, *Die Grossmächte vor und nach dem Weltkriege*. Leipzig, Berlin, 1930. P. 93-94.

² См. напр.: Seelye, Georg. *Die Politik des Lebens: Ein Grundriss für den Bau der Menschheitsorganisation*. Wien: Anzenburger Verlag, 1918. 277 p.

обозначала авторитарное, иерархически структурированное и расово однородное сообщество.

На данный момент мы можем выделить следующие основные подходы к определению биополитики:

1. Философский подход. В истории философии истоки проблемы связаны с интерпретацией сущности человека и с социальной значимостью этого факта. Идеи античных философов Сократа, Платона и Аристотеля являются базисом для формирования теоретических оснований биополитики. Большое влияние на развитие будущей биополитической мысли оказали работы Р. Декарта¹ и Ж.О. де Ламетри². Их труды позволили сформировать теоретико-методологическое обоснование биополитической проблематики в экзистенциализме, в философии жизни и, особенно, в философии русского космизма. Работы М. Шелера, Г. Плеснера, русских космистов (прежде всего, Н. Федорова, К. Циолковского, А. Чижевского) развивают идею интегративного единства духовного, социального и биологического в человеке.

Особое значение в формировании концепции биополитики имеет философия жизни. Ко второй половине 19-го века *Lebensphilosophie* (философия жизни) уже стала самостоятельной философской тенденцией; ее основателями были А. Шопенгауэр, Ф. Ницше и А. Бергсон. *Lebensphilosophen* (философы жизни) представляли довольно разнообразные теоретические положения. Они разделили, однако, переоценку «жизни» и ее принятие в качестве основной категории и нормативного критерия здорового, хорошего и истинного. Жизнь, понимаемая как телесный факт или органическое существование, как инстинкт, интуиция, чувство или «опыт» (*Erlebnis*) была противопоставлена «мертвым» и «окаменелым», которые были представлены «абстрактным» понятием «холод», «логика» или «бездушие». Концепция жизни служила стандартом, по которому процессы, воспринимаемые как

---

¹ Декарт Р. Сочинения в 2 т. М.: Мысль, 1989. 654 с.

² Ламетри Ж. О. Человек-машина// Ламетри Ж. Сочинения. М.: Мысль, 1976. С. 183-244.

противостоящие жизни, такие процессы как рационализация, цивилизация, механизация и технологизация, подвергались критическому анализу.

Современные социальные антропологи напрямую интерпретируют культуру как способ сохранения биологической природы человека, что имеет значение для формирования концепций биополитики.

2. Психологический подход. С точки зрения психологии биополитика - это научная отрасль политической психологии, которая изучает феномены альтруизма, насилия, агрессии, доминирования и другие важнейшие свойства человеческой природы в политике. Вайленсология (от англ. Violence - насилие) является разделом биополитики, который изучает природу человеческой агрессии в целом и ее политических проявлений в частности.

Ученые единодушны в понимании природы насилия и агрессии в человеческом обществе. В последние годы политические психологи не реагировали на новые вызовы проявлений агрессии и насилия, наполняя социальную практику и все возможные информационные каналы адекватными научными разработками, привлекая потенциал эффективных технологий для борьбы и защиты людей и общества. Насилие в политических процессах проявляется во многих различных формах. Государство применяет насилие в отношении людей, не соблюдающих законы и другие нормы права. Система международного права признает законность применения силы, в том числе военной, для защиты территориальной целостности страны. Закон также признает право человека на применение насилия в рамках достаточной самообороны. Тем не менее, абсолютно необходимо сказать о последствиях для человека, который даже использовал легализованное насилие, не говоря уже о тех, кто стал жертвой насилия во время войн, вооруженных конфликтов и периодов криминального веселья. С человеком происходят серьезные психологические преобразования, меняющие его отношение к себе и другим людям, что приводит к актуализации биополитической тематики.

3. Экологический подход. Философская экология, ограничивая себя проблемой взаимоотношений человека как биосоциального существа и его окружения, также приводит нас к проблеме регулирования отношений в биополитическом пространстве. Труды как западных, так и российских ученых прямо или косвенно содержат идею о необходимости регулирования процессов по защите окружающей среды, описанных на государственном и межгосударственном уровнях, хотя они признают дисбалансы в развитии одной или другой из ее сторон.

4. Подход естественных наук (биолого-генетический подход). Важным источником биополитической теории является сравнительная биология. Наиболее важной работой здесь является «*Staatsbiologie: Anatomic, Physiologic, Pathologic des Staates*»¹, где в биологических терминах это состояние определяется как тело со специфической анатомией, физиологией и патологией. Именно патология государства является главной темой рассмотрения в данной книге. Тело государства (в данном случае немецкого государства) пронизано «паразитами», которые должны быть уничтожены государственными врачами. В этом отношении биополитическая риторика книги Уекскулла Д. предсказывает нацистскую теорию вырождения, которая появится десятилетие спустя. Очень похожие биополитические идеи выражены в книге Морли Робертса «Биополитика: очерк физиологии, патологии и политики социального и соматического организма», опубликованной в 1938 году в Лондоне². Робертс описывает состояние как организм, сравнивая защитный аппарат государства с иммунной системой организма. Как иммунная система организма отвергает чужеродный элемент, так и государство должно отвергать угрожающие элементы другой расы.

Очень трудно найти прямые указания на регулируемую роль биополитики в естественных науках, в основном биологических. Но, например, К. Лоренц непосредственно продемонстрировал политические результаты

---

¹Uexküll J. von, *Staatsbiologie. Anatomie-Physiologie-Pathologie des Staates*. Berlin: Gebrüder Paetel, 1920. 54 p.

²Roberts, M. *Biopolitics: An essay in the physiology and pathology and politics of the social and somatic organism*. London: J.M. Dent. 1938. 240 p.

своих исследований¹. Такие ученые, как А. Малиновский, А. Яблоков, И. Давыдовский и другие, всегда подчеркивали необходимость социальной регуляции в генетике, биологии и медицине. Данный вывод был сделан в результате их анализа социального контекста биологической эволюции. Поэтому существует большое количество материала, анализ которого позволяет нам ответить на вопросы о существовании биополитики, о том, каким должен быть ее объект, предмет, какие субъекты должны ее реализовывать и в каком содержании это должно быть выражено. Кроме того, в научных биологических журналах имеется довольно хорошая информационная база и, прежде всего, в закрытых исследованиях, существование которых само по себе указывает на существование биополитики.

5. Национал-социалистический подход к биополитике характеризуется конститутивным напряжением между, с одной стороны, идеей жизни как роковой силы и местом мифического происхождения и, с другой стороны, убеждением, что активная модификация и контроль биологических событий возможны. Чтобы сформулировать и развить свою социальную и политическую концепцию, национал-социалистическое движение использовало много различных источников, объединяя социальные дарвинистские идеи наряду с пангерманскими и националистическими идеологиями. Он принял антропологические, биологические и медицинские концепции и одновременно стимулировал производство теорий и эмпирических работ в этих дисциплинах². Поскольку гетерогенные идеи часто встречаются в национал-социалистических текстах рядом друг с другом, трудно говорить о последовательной концепции биополитики. Здесь я остановлюсь только на двух общих характеристиках, которые решительно обозначают национал-социалистическую биополитику: во-первых, основа биополитической программы состоит в расовой гигиене и «наследственной биологии» и, во-вторых, сочетание биополитических идей с геополитическими соображениями.

---

¹См.: Лоренц К. Агрессия: (так называемое "зло"). М.: Прогресс. 1994. С. 170.

²См.: Weingart, K., Bayertz R. Blut und Gene. Frankfurt: Suhrkamp Verlag. 1992. P. 395.

Вывод

Таким образом, общим для всех рассмотренных подходов к концепту «биополитика» является критика недостаточности теоретической и методологической направленности общественных наук. Большинство вышеуказанных авторов утверждают, что общественные науки руководствуются допущением, что люди в принципе являются свободными существами. Эта точка зрения, которая придает слишком большое значение процессам обучения и социализации и, следовательно, не видит, что политическое поведение человека в значительной степени биологически обусловлено. С этой точки зрения «культурализм» социальных наук является поверхностным, поскольку он систематически игнорирует более телесные причины человеческого поведения. Таким образом, общепринятые социально-научные исследования являются «односторонними» и «редукционистскими», поскольку биологические истоки человеческого поведения остаются за горизонтом вопросов, которые оно ставит. Для того, чтобы произвести более реалистичную оценку политического поведения людей и того, как они существуют, биополитики требуют «биокультурного» или «биосоциального» подхода. Предполагается, что это объединит социально-научные и биологические точки зрения, чтобы заменить одностороннюю или комбинаторную модель. Итак, концепт биополитики не предполагает жестких детерминистических отношений, а позволяет ссылаться на биологические источники или факторы политического поведения и политических отношений, которые были изучены в философском контексте М.Фуко, Дж. Агамбенем и А. Негри, концепции биополитики которых будут рассмотрены далее.

1.2. Биополитика (и биовласть) в контексте политической философии М. Фуко

Одной из ключевых проблем политической философии до сих пор остается вопрос определения и понимания власти. Необходимо заметить, что власть не является теоретическим понятием и примером этому служат исторические события, которые стимулировали начало размышлений над данной темой. Данный термин обозначает тот практико-теоретический контекст, который предпочтительней всего изучать на примере дисциплинарных отношений, возникающих не только в сфере политики, но и в школе, армии или даже тюрьме. Генеалогически организованная философия в данном контексте предстает также и философией практических отношений власти.

Французский философ Мишель Фуко в своих трудах, посвященных становлению властных отношений и их развитию, разрабатывает ключевые теоретико-методологические принципы и положения, которые впоследствии становятся основой для многих современных теорий. В своем труде «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук» М. Фуко дает следующую характеристику структуры. Структура позволяет связать поле видимого в виде единой системы переменных. Значения данных переменных устанавливаются количественно. Если это не возможно, то дается наиболее полное описание¹.

С точки зрения М. Фуко основой власти является возможность субъекта влиять на объект. М. Фуко делал акцент на изучении понятия политической власти, которое позволило ему развивать структурный анализ как метода политологического исследования. Впоследствии французский мыслитель, М. Фуко, развивает свою концептуальную модель власти, где говорит о ее рассредоточенности по всему полю социального пространства.

---

¹ Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. С. 166.

Интересен тот факт, что если посмотреть на список трудов М. Фуко, то мы увидим следующее: далеко не во всех названиях произведений фигурирует такой термин, как «власть». Но, обратившись к основным понятиям, с которыми работал ученый на протяжении всей своей карьеры, мы увидим, что центральным предметом является власть. Нельзя не сказать, что Фуко был неким революционером, который пытался переосмыслить понятие власти и пересмотреть привычные правила, существовавшие в стандартной политической философии. Такие атрибуты власти как законность, локализация и принадлежность ранее связывались с государством, но были переосмыслены французским философом и представлены в ином ракурсе. Например, власть правительства, с его точки зрения, является подвидом власти. М. Фуко волновали такие вопросы, как механизмы осуществления власти, какие существуют воздействия власти, проблема повиновения принуждению, вопросы связи знания и власти. Решение данных вопросов является сущностью того, что М. Фуко «хотел сделать»¹.

В творчестве М. Фуко принято выделять два периода: период структурализма и постструктурализма. В 1960-70-х гг., а также в начале 1980-х гг. были изданы его основные труды: «Безумие и неразумие. История безумия в классическую эпоху»², «Рождение клиники. Археология взгляда медика»³, «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук»⁴, «Археология знания»⁵, «Порядок дискурса»⁶, «Надзирать и наказывать»⁷.

История познания и сознания в совокупности с грамотной организацией заняла в концепции Мишеля Фуко место главной проблемы. Данная тема была

¹ Фуко М. Власть и знание // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002. С. 232.

² Фуко М., Безумие и неразумие. История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997. 576 с.

³ Фуко М. Рождение клиники. М.: Академический проект, 2010. 252 с.

⁴ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. 405 с.

⁵ Фуко М. Археология знания. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2012. 416 с.

⁶ Фуко М. Порядок дискурса / Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко. М.: Касталь, 1996. 448 с.

⁷ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова; под ред. //И. Борисовой. М.: «Ad Marginem», 1999. 479 с.

зафиксирована с помощью термина «археология» и в дальнейшем получила свое развитие в работах 1960 года, где французский философ и теоретик на примере истории средневековой Европы и Европы Нового времени воссоздает социально-исторические формы существования, распространения и организации знаний. В конце своей работы «Археология знания» Фуко, резюмируя, пишет, что с помощью данной книги он пытался избавиться себя от ненастного ярлыка структурализма, но если обращаться к историографии, то этот период в творческом пути философа выделяют по форме как структуралистский¹.

В.Н. Фурс, советский и белорусский философ, доктор философских наук пишет: «Последовательная разработка тем знания, власти и субъекта позволила Фуко прийти к созданию новой модели культурной идентификации индивида как нравственного субъекта».² Исследователь выделяет три этапа в развитии данных тем. Первым этапом является проект построения бессубъектной истории знания, которому М. Фуко, чтобы показать отличие собственного метода от традиционной истории кумулятивистского типа, дал название – археология. Необходимо заметить, что здесь знание начинает приобретать материальный характер и включает в себя научное знание. Внутри самого знания отсутствует механизм, который мог бы преодолеть сами пороги. В научном знании их 4: научность, позитивность, формализация, эпистемиологизация, а механизмом предстает идеология, выступающая как особый вид дискурсивной практики.

Вторым этапом, по мнению В.В. Фурса, – «попытка М. Фуко реконструкции «генеалогии власти»; создание исторического описания, раскрывающего уникальность события, понимание истории как смены континуумов и разрывов». «Власть по М. Фуко – общая стратегия,

---

¹ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова; под ред. //И. Борисовой. М.: «Ad Marginem», 1999. С. 135.

² Фурс В.Н. Философия Мишеля Фуко и проблема человека во французском постструктурализме: автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. филос. наук. Минск, 1997. 15 с.

устанавливающая в обществе силовые отношения господства и подчинения». Фуко ввел понятие «микрофизика власти». Данное понятие означает определенный уровень распыления отношений власти по социальному организму и включенности в другие типы социальных отношений (экономические, политические или социальные). Опора власти на знание – определение взаимного усиления власти и знания.¹

Третьим этапом развития теории М. Фуко, с точки зрения В.В. Фурса, является развитие темы свободы человека как субъекта. Субъект является анонимным. Для исследования свободы субъекта М. Фуко предлагает авторский метод: «археология знания». Именно в субъекте формируются взаимосвязи между властью и знанием.

Власть, в трактовке Фуко, исходит снизу и выступает в качестве механизма всеобщего контроля или же всевидящего ока в современном обществе. Власть носит надинституциональный, надструктурный характер. Во власти как месте встречаются различные силы. Поэтому власть выступает как соединение различных сил, влияющих на социум в целом и на отдельные его элементы. Итак, власть является множественной в ситуации множественных систем господства в социуме.

Итак, направление исследования власти, заданное Мишелем Фуко, является базой для развития новых теоретических политологических концептов. Одним из этих концептов является концепт биовласти.

Концепт «биовласть» в политической философии принято связывать с именем М. Фуко. Его концепция биополитики получила свое развитие в середине 70-х гг. прошлого столетия, а идеи о самой биовласти, написанные в трудах французского философа этого периода, в дальнейшем получают свое

---

¹ Фурс В.Н. Философия Мишеля Фуко и проблема человека во французском постструктурализме: автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. филос. наук. Минск, 1997. С. 9-10.

развитие в работах современных философов, в частности Джорджо Агамбена¹, М. Хардта и А. Негри². Социально-политическая теория философа является также биополитической. Одна из причин этого заключается в особенном подходе к пониманию взаимодействия власти и знания. Проблема рациональности является ключевым моментом в этом взаимодействии и выступает в качестве определяющего фактора для развития фукинианской концепции биополитики.

М. Фуко писал, что «начиная с XVIII в. пытались рационализировать проблемы, поставленные перед правительственной практикой феноменами, присущими всем живущим, составляющим население...»³. Под этим понимается продолжительность жизни, рождаемость и т. д. Биополитика становится процессом, ориентированным на управление населением и связанным с определенной политической идеей. Эта мысль хорошо заметна в работе французского ученого «История безумия в классическую эпоху»⁴. Если смотреть дальше, то управленческая рациональность не подразумевает сопротивления. Фуко говорил, что противиться и препятствовать ей означает ставить под сомнение конкретную форму рациональности, но сама власть оказывается безграничной тогда, когда уровень подозрений минимален, либо вовсе равен нулю.

Последняя лекция курса «Нужно защищать общество» М. Фуко позволяет прояснить многие вопросы, связанные с развитием концепта биовласти. Данная лекция была прочитана в Коллеже де Франс в 1975-1976 годах. Теоретической основой концепции биовласти является теория суверенитета. Согласно данной теории суверен обладает правом даровать жизни или обрекать на смерть тех, кто ему подчиняется. В данном праве нет пропорциональности, поскольку только в праве на убийства находится полнота права даровать жизнь. М. Фуко приводит следующую формулу: «заставить

---

¹ Agamben G. Sovereign power and bare life. Stanford: Stanford University Press, 1998. 228 p.

² См.: Хардт М., Негри А. Множество: Война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006. С. 7.

³ Фуко М. Рождение биополитики. М.: Наука, 2010. С. 405.

⁴ Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997. 576 с.

умереть или позволить жить»¹. Эта формула отражает сущность власти суверена. С точки зрения М. Фуко, ориентированность техник власти «на индивидуальное тело» проявляется наиболее отчетливо в период XVII-XVIII веков.² К инструментам биовласти М. Фуко относит перераспределение тел в социальном пространстве, муштра, целью которой является усиление эффективности от телесных практик, послушность в сфере политики, тестирование людей с целью выявления их специфического личностного типа, который определяет их место в социальной и политической иерархии³. Данные инструменты подлежали усовершенствованию в период с конца XVIII до начала XIX века, в результате чего появляется система биополитических технологий. Отличие биополитики как совокупности данных технологий от индивидуализирующей дисциплинарной власти состоит в ориентации биополитических технологий на массы людей, участвующих в общих процессах существования, к которым относится, например, рождение или смерть⁴.

Массы людей, живущих на определенной территории являются субъектом с точки зрения концепции биополитики. Эти массы существенно отличаются от объекта дисциплинарной власти. Главной задачей биополитики становится совершенствование жизни на масштабном уровне. Власть в полной мере начинает брать на себя ответственность за фундаментальные процессы жизни. При этом в этих условиях формируется своеобразно табу на смерть. В современном обществе мы практически не можем встретить публичные демонстрации казни, поскольку в прошлом они использовались для демонстрации суверенной власти. На место этих демонстраций приходят безличными стратегии контроля и стимулирования.

Таким образом, «смерть ... олицетворяет момент, когда индивид ускользает от всей власти, превращается в себя и каким-то образом уходит в

---

¹ Фуко М. Нужно защищать общество. СПб.: Наука, 2005. С. 255.

² Там же.

³ См.: Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. С. 197-337.

⁴ Фуко М. Нужно защищать общество. СПб.: Наука, 2005. С. 256.

самую скрытую область»¹. Но Мишель Фуко показывает, что биоэнергетика не отменяет дисциплинарные приемы, но к ним трудно относиться. Регуляторные и дисциплинарные методы находятся на разных уровнях: с одной стороны «тело - организм - дисциплина - институты», а с другой - «население - биологические процессы - механизмы государственного регулирования»².

Теперь власть связана с заботой о жизни, но как она может продолжать пользоваться правом на убийство? Этому способствует появление исторического и политического дискурса о «борьбе рас», когда массовая этническая чистка вызывает расширение биоэнергетики. Расизм, согласно французскому философу, коренящийся в механизме государственной власти, позволил убить в рамках биополитики, направленной на максимизацию жизни. Враг политического противника на войне превращается в инфекцию. Его устранение будет означать благополучие расы. Проявлением синтеза суверенного права и биоэнергетики стал нацизм. Он даже зашел так далеко, что поставил под угрозу свою расу и намеревался провести процедуру, чтобы превратить немцев в настоящую расу мастеров.

Отдельное место занимает у Фуко медицинское знание, которое он связывает с прогрессом в области практик биовласти в Европе в начале XVIII века. В своей лекции «Рождение социальной медицины» (1974) ученый выделяет тот факт, что, начиная с XVIII века тело человека, интегрируется в сферу медицинских услуг, а это приводит к развитию экономики здравоохранения. Современная медицина подразумевает под собой социальную медицину, которая включает в себе технологии социального тела. Конструирование социальной медицины становится связано с осуществлением биополитических практик. Французский мыслитель пишет: «Тело, – биополитическая реальность; медицина – биополитическая стратегия»³. Государству необходимо здоровое социальное тело и медицина здесь является

---

¹ Фуко М. Нужно защищать общество. СПб.: Наука, 2005. С. 262.

² Там же. С. 264.

³ Фуко М. Рождение биополитики. СПб.: Наука, 2010. С. 82.

настоящей биополитической стратегией. Телесные изменения выходят на первый план, и теперь они выше идеологии в классическом понимании. Прогресс в медицине дает власти новые возможности для контроля над человеком. Главным запросом человека становится желание долгой и качественной жизни, что ложится в основу биовласти. Полем для экспериментов становится биоинженерия, где положение концепции биовласти Мишеля Фуко получает новое содержание.

Вопросы, касающиеся биотехнологий, всегда идут вместе с вопросами о жизни людей. Биовласть пытается вмешаться в естественные процессы жизни и перепрограммировать их в том направлении, в котором ей это будет выгодно. Сочетание биотехнологии с информационными технологиями дало новое представление о человеческом теле как об определенном типе данных. М. Фуко показывает нам всеобъемлющую природу биоэнергетики. Моменты связаны с границами вмешательства в жизнь человека. Это требует обращения к различным областям знаний. Учитывая потенциальную экономическую и научно-техническую ценность биоматериала человека и сопутствующей биоинформации, политики были обеспокоены «кражей генов» или несанкционированным биологическим надзором неинформированных лиц.

Тезис М. Фуко о проявлениях биоэнергетики остается спорным в отношении открытий в области биологии. Результаты науки являются средством контроля, но именно тогда, когда они являются техническими средствами, с помощью которых вы можете значительно улучшить свою жизнь. Текущие дискуссии поднимают вопрос: может ли этот контроль быть «внешним контролем» или у человека есть возможности для самоопределения? Технический потенциал биологии структурирует поле деятельности и становится, по мнению Фуко, настоящим «менеджментом». Но стоит обратить внимание на важную деталь, а именно на то, что биотехнология меняет наше представление о нашем собственном теле, но не заставляет нас использовать ее

навыки. Такая вещь, как антивозрастная хирургия, игнорируется большинством до настоящего времени¹.

Концепция биовласти Мишеля Фуко необходима для понимания современной окружающей действительности. Отдельные моменты, развитые философом, обозначают новые векторы для формирования теории биовласти и требуют тщательного анализа и переосмысления.

---

¹ Daele van den W. Biopolitik, Biomacht und soziologische Analyse // Leviathan. № 37. 2009. P. 64-68.

ГЛАВА 2. КОНЦЕПЦИИ БИОПОЛИТИКИ В ПОСТФУКИАНСКИЙ ПЕРИОД: ДЖ. АГАМБЕН И А. НЕГРИ

2.1. Концепция биополитики в политической философии Дж. Агамбена

Понятия «биовласти» и «биополитики» Мишеля Фуко в последние годы приобрели новое значение благодаря творческому переосмыслению, осуществленному итальянскими политическими философами Антонио Негри и Джорджо Агамбеном. Как писал Фуко, современная политика аполитична, поскольку она защищает и поддерживает жизнь самого человеческого рода. Антонио Негри и Джорджо Агамбен включили понятия «биовласть» и «биополитика» в свои различные диагнозы нашей современной политической ситуации. Для Негри и Майкла Хардта в рамках противоречивого понятия «Империя» как глобальной системы власти; и для Агамбена в суверенном исключительном положении данные диагнозы становятся «нормой» и сопутствуют изоляции «голой жизни» человечества. Но, несмотря на то, что их исследовательский интерес был обращен на биополитику и жизнь, а также политизацию, они недостаточно рассматривают режимы биоэнергетики, которые они критикуют. В данной главе будут рассмотрены биополитические теории этих ключевых современных итальянских философов, в которых будет задан вопрос о том, могут ли данные теории быть развиты в эко- и зоополитических терминах и как они могут быть использованы для дальнейшего развития современной политической философии.

Но при всем их внимании к биополитике, а также к их политизации они почти не уделяют внимания подчинению животных: режимы биоэнергетики они критикуют. Будет важно уточнить, можно ли и каким образом провести их анализ биополитики в эко- и зоополитических терминах. Ряд теоретиков с особой тщательностью проследили, как концепция биополитики Агамбена значительно «предает» ее наследие, а именно концепцию Фуко. Собственная

критика Негри в отношении использования термина «биополитики» Агамбеном указывает на их значительные философские различия в отношении биовласти и биополитики. Ряд других мыслителей, предложили свои собственные концепции и критические замечания, в которых рассматривают весьма противоречивые области. Они, в частности, противопоставляли, например, «негативную» и «позитивную» биополитику, и возможные пути между ними или за их пределами. В этой ситуации «биополитика» рискует стать «фетиш-словом», которое скорее затрудняет, чем облегчает анализ настоящего. Поэтому важно провести сравнительный анализ биополитической концепции Дж.Агамбена и А.Негри, авторов на которых оказала огромное влияние концептуальная традиция Фуко, переосмыслению которой посвящены их основные работы.

Джорджо Агамбен (р. 1942) является современным итальянским мыслителем и политическим философом. Большое влияние на развитие Д.Агамбена оказало творчество М. Хайдеггера, в семинарах которого он активно участвовал. Как указывает Д. Ю. Сивков, «в 1966-м и 1968 гг. участвовал в двух семинарах под руководством М. Хайдеггера. Помимо Хайдеггера и М. Фуко на Агамбена оказал влияние В. Беньямин, прочитанный через призму посланий апостола Павла»¹.

В своей биополитической концепции Дж. Агамбен утверждает, что политизация «голой жизни» составляет «решающее событие современности и сигнализирует о радикальной трансформации политико-философских категорий, разработанных классической философией»² Агамбен критикует Фуко за то, что он не обратился к эпохам, предстоящим современности; за то, что Фуко не был в состоянии понять преемственность биополитической логики, которая была только подчеркнута современной эрой. Действительно, для

---

¹ Сивков Д.Ю. Биополитика, мессианизм и экономия спасения в философии Джорджо Агамбена// Известия волгоградского государственного педагогического университета. 8(83) 2013. С. 107-112.

² Agamben G., Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life. Stanford: Stanford University Press, 1998. P. 4.

Агамбена, западная политика - это биополитика с самого начала¹, или, иначе говоря, политизация «голой жизни» как метафизическая задача решения проблемы человечности человека так же стара, как и сам мир. В предположении в этой задаче Агамбен утверждает, что современность не делает ничего, кроме как заявить о своей верности основной структуре метафизической традиции».²

В основе этой дискуссии лежат понятия жизни и человека. Основной бинарной оппозицией в концепции биополитики Д.Агамбена является противопоставление человека священного («Homo Sacer») и человека политического, а именно тел священного и политического человека³. Действительно, Агамбеновская генеалогия биовласти в труде «Homo Sacer» также является родословной жизни, или, если быть точным, «передача подписи Жизни через время и сквозь дискурсивные формации, от классической до современной мысли».⁴ Сама жизнь не существует; это дискурсивная структура эксклюзивного включения. Жизнь, как выразился сам Агамбен, «сама по себе не политическая, это то, что должно быть исключено, и в то же время включено путем его собственного исключения. Жизнь, то есть нечто имполитическое должна быть политизирована посредством сложной операции, которая имеет структуру исключения».⁵

В этом смысле жизнь представляет собой режим работы, который работает через отношение инклюзивного исключения между общими и правильными компонентами. Современность, без сомнения, представляет собой особую экономику жизни, но даже при появлении современности в новой эпистеме сохраняется структура инклюзивного исключения. Другими словами, «биополитическая современность на самом деле является лишь еще одним

¹ Agamben G., *Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life*, trans. Daniel Heller-Roazen Stanford: Stanford University Press, 1998. P. 191.

² Agamben G., *Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life*, trans. Daniel Heller-Roazen. Stanford: Stanford University Press, 1998. P. 8.

³ Кудина О.М. Оппозиция человека священного (homo sacer) и человека политического в концепции Дж. Агамбена// Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса 4(22), 2013, С. 73-82.

⁴ Agamben G., *Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life*. Stanford: Stanford University Press, 1998. P. 183.

⁵ Agamben G. What is a Destituent Power?// *Environment and Planning: Society and Space*, 32 (1), 2014, P. 65–74.

дискурсивным образованием в силу... сдвига жизни, передачи, а не в силу эпистемического разрыва или события».¹ В этом смысле для Агамбена «то, что мы называем политикой, прежде всего, есть особая квалификация жизни, осуществляемая с помощью серии частей, которые проходят через само тело *zoē*. Но это квалификация не имеет ничего, кроме чистого факта цезуре как таковой»².

Если жизнь обозначает логику исключительного включения, то «голая жизнь» представляет изолированный элемент, побочный продукт политизации и сегрегации жизни от ее многочисленных форм: «через ее разделение и её захват в диспозитив исключения, жизнь принимает форму голой жизни, жизни, которая была разделена и отделена от её формы». ³ Как говорит Агамбен, «окончательный субъект, который должен быть сразу превращен в исключение и включен в город всегда голая жизнь» ⁴. Тогда ясно, что «голая жизнь» не имеет собственного содержания, это скорее неопределенный и непробиваемый элемент, индекс, невысказанный предел. Именно в этой неопределенной форме голая жизнь составляет первый «референт и долю политики»⁵.

Ярчайшим примером концепта «голой жизни» является массовое убийство, геноцид еврейского населения, проводимый фашистами. Как отмечают Смирнов К.С. и Барковская А.Ю., «Преследуемый фашистами еврей (так же как цыган, коммунист и т.д.) представляет собой безусловный образец *homo sacer*. В данном случае убийство человека не является ни смертной казнью, которая есть результат функционирования права, ни жертвоприношением, которое включено в религиозное пространство.... Массовое уничтожение фашистами еврейского населения Европы и Советского Союза не следует определять термином «холокост» (определенный вид жертвоприношения). Евреи и другие «неправильные» люди были уничтожены в буквальном соответствии с

¹ Watkin W., *Agamben and Indifference: A Critical Overview*. London: Rowman & Littlefield International, 2014. P. 185.

² Agamben G., *The Use of Bodies*. Stanford: Stanford University Press, 2016. P. 202

³ Agamben, G., 'What is a Destituent Power?' *Environment and Planning: Society and Space*, vol. 32, no. 1, 2014. P. 66.

⁴ Agamben, G., *Means Without End: Notes on Politics*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2000. P. 6.

⁵ Agamben G., *What is a Destituent Power?// Environment and Planning: Society and Space*, vol. 32, no. 1, 2014. P. 65.

выражением Гитлера: «передавлены как блохи», - другими словами, именно как всего лишь голая жизнь.»¹ Действительно, для Агамбена оригинальное место западной политики состоит в инклюзивном исключении человеческой жизни в виде голой жизни»². Другими словами, для Агамбена это всеобъемлющее исключение определяет оригинальную структуру архэ западной политики. Разделение, выраженное греческими словами «zoe-bios»³, - это момент, когда возникает фигура «Homo Sacer» в области римского права. «Homo Sacer» в римском праве означает человека, который может быть убит, но не может быть принесен в жертву. Кто угодно по отношению к «Homo Sacer» может быть сувереном, который имеет право на насилие.⁴ Это означает, что западная политика, основанная на римском праве, была создана путем исключения голой жизни, то есть путем насилия.

Биополитика, в этом конкретном смысле, - это политика, которая ставит жизнь против самой себя, это политизация жизни, изоляция голой жизни, в которой политика была основана. Это определение показывает, что связь между жизнью и политикой, начиная с древних греков, приняла форму инклюзивного исключения. В рамках западной традиции невозможно рассматривать сферы жизни и политики как независимые друг от друга. Жизнь и политика - это не отдельные сущности. Они не созданы до их отношений, но способ их связи означает исключение жизни, на которой основывается политика. Эта связь носит первичный и конститутивный характер.

Кроме того, связь между жизнью и политикой имеет свой аналог в связи, которая в западной метафизической традиции связывает «phonē» и «logos». Другими словами, и политика, и метафизика действуют в соответствии со следующим принципом: zoe и голос выступают в качестве основы для bios и языка. В самом деле, «живое существо имеет logos через сохранение

¹ Смирнов К.С., Барковская А.Ю. Homo Sacer: к вопросу о праве на жизнь в условиях антропологического кризиса// Философия права, 2(51), 2012. С. 33-35.

² Agamben G. What is a Destituent Power?// Environment and Planning: Society and Space, vol. 32, no. 1, 2014. P. 65.

³ Zoe - это сам факт жизни. Bios - это образ жизни индивида.

⁴ Кудина О.М. Оппозиция человека священного (Homo sacer) и человека политического в концепции Дж. Агамбена// Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса 4(22), 2013. С. 78.

собственного голоса в нем, даже когда оно живет в полисе, позволяя собственной жизни быть исключённой...».¹

Кудина О.М. предлагает весьма продуктивное сравнение «голой жизни» и политики в терминах аристотелевской философии. «Связь между голой жизнью и политикой - эта та же связь, которую можно видеть между голосом (phone) и словом (Логосом).»² В лице аристотелевского определения человека как вида жизни, у которого есть логос, мы имеем парадигматический пример структуры инклюзивного исключения, которое является центром биополитической машины. В этом смысле, проект Homo Sacer предлагает археологию политической власти на Западе путем строительства различных парадигм (zoē-bios, Homo Sacer), которые делают понятными операции жизни. Эти термины показывают, что политическая власть основывается на разделении голой жизни и что это разделение принимает форму всеобъемлющего исключения; биополитика действует, опираясь на внутреннюю логику насилия.

Среди этих парадигм понятие «Homo Sacer» приобретает особое значение в археологии Агамбена, потому что путем выявления и своей особенности, оно раскрывает, более четко, характер отношений, которые связывают жизнь и политику на Западе. Агамбен описывает данную связь: человеческая жизнь включается в неясную фигуру архаичного римского права, в юридический порядок [ordinamento] исключительно в форме его исключения (то есть его способности быть убитым)»³.

Жизнь появляется в правовой системе Запада как естественный результат власти, грозящий смертью. Согласно естественному состоянию Гоббса - жизнь определяется как подверженность угрозе насилия.⁴ Власть Левиафана основана не на политическом консенсусе, а на «голой жизни», которая сохраняет

¹ Agamben G., Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life. Stanford: Stanford University Press, 1998. P. 8.

² Кудина О.М. Оппозиция человека священного (homo sacer) и человека политического в концепции Дж. Агамбена// Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса 4(22), 2013. С. 73-82.

³ Agamben G., Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life. Stanford: Stanford University Press, 1998. P. 8.

⁴ Hobbes T. Leviathan. Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 56.

безопасность и защищена только в той степени, в которой она подчиняется суверену (или закону) и его правом распоряжаться жизнью и смертью.

Состояние исключения, которое Агамбен рассматривает как парадигму, имеет место, когда голая жизнь явно ставится под сомнение. «Однако, - как подчеркивает Кобылин И.И., - если в досовременную эпоху «состояние исключения» было «невидимым основанием» системы, то в период модерна оно выходит на свет. Одну из ключевых ролей здесь сыграла «Декларация прав человека и гражданина» 1789 г., провозгласившая врожденные права человека на свободу, собственность, безопасность и сопротивление угнетению. Агамбен отказывается рассматривать этот документ как свод вечных ценностей, обязывающих власть относиться с уважением к неизменным этическим нормам. Подлинная историческая функция «Декларации» заключается в окончательной политизации «голой жизни», которая оказывается теперь полностью вписанной в политико-юридический порядок национального государства. Сам факт наличия врожденных прав привносит в «голую жизнь» политическое измерение, делает ее носителем суверенитета»¹.

Следовательно, когда есть четкая разница с биополитическим распределением обычного и правильного в современности, именно это исключение становится правилом. Тезис Фуко, согласно которому в XVIII веке и впервые в истории «биологическое существование стало отражаться в политическом существовании»² - с этой точки зрения существенно верный. Агамбен не станет отрицать, что в современном мире политизация «голой жизни» сигнализирует о трансформации классических категорий философской мысли или что с появлением современных государств новые биополитические методы были разработаны.

Напротив, он утверждает, что современное государство, поместив биологическую жизнь в центре ее расчетов, представляет новую ойкономию

---

¹ Кобылин И.И. Исток и сингулярность: дж. агамбен и М. Фуко о рождении биовласти журнал// Философия и общество 3(63), 2011. P. 171-183.

² Foucault M. The History of Sexuality, Volume 1: An Introduction. New York: Pantheon Books, 1990. P. 142.

жизни и политики. Новизна современной эпистемы состоит в неразличимости жизни и политики, произведенной через нормализацию юридического исключения.

Кроме того, археология жизни Агамбена не позволяет вести утвердительный учет биополитики. Действительно, жизнь входит в политическую сферу через исключение, разделение жизни против самого себя. Это исключение производит «голую жизнь», которая, в свою очередь, находит власть суверена. Биополитика для Агамбена - первая из этих операций и по этой причине это всегда уже власть над жизнью, то есть власть, которая разделяет жизнь. В тот момент, когда жизнь входит в сферу политической биовласти, она уже разделена, отделена и захвачена, и следовательно, биополитика не может быть силой жизни.

Антонио Негри¹ и Ален Бадью² высказали критические замечания относительно биополитической концепции Агамбена. Их аргументация в целом состоит в том, что представление о жизни Агамбена является решительно отрицательным, вследствие чего, Агамбен не может рассматривать биополитику как альтернативу его танатополитическому состоянию. Согласно Бадью, тот факт, что понятие биополитики работает со слабым и пассивным представлением о жизни означает, что Агамбен в конечном итоге оставлен только с обетом бедности и францисканской онтологии как единственного пространства, из которого можно сформулировать политический проект.³ В том же духе, Негри обвиняет Агамбена в работе с отрицательной онтологией, основанной на пассивной концепции жизни. Он пишет: «Определение биополитики, которое описывает Агамбен (а), фиксирует неразделимость жизни и политики, между домом и городом, между *zoē* и *bios*; и (б) вводит биологическую жизнь в расчеты и механизмы власти и, тем самым, позволяет биоэнергетике определять и организовать биополитический ландшафт. Что все

¹ Negri A. Giorgio Agamben: The Discreet Taste of the Dialectic// Giorgio Agamben: Sovereignty and Life. Stanford: Stanford University Press. 2007. P. 118.

² Badiou A., Logics of Worlds: Being and Event II, trans. Alberto Toscano. New York: Continuum. 2009. P. 560.

³ Agamben G. The Highest Poverty: Monastic Rules and Form-of-Life. Stanford: Stanford University Press. 2013. P. 114.

это значит?.. Это означает, что это новое пространство всегда инвестируется властью, и судьбоносно вовлечено в смертельное измерение бытия»¹.

Однако, как мы видели, жизнь для Агамбена сама по себе не является слабой, пассивной или беспомощной. Его понимание концепта биополитики основано на идее исключения жизни, деления вида жизни, и, следовательно, независимо от бесконечных возможностей жизни. Биополитика с самого начала означает власть над жизнью. По этой причине Агамбен не поддерживает никакие формы политики, которые стремятся преодолеть биополитическую машину изнутри. Другими словами, определяя производительную силу жизни как основу политического проекта, как Агамбен, так и Негри также охватывает онтологию действия, а не потенциальности; то есть, Агамбен принимает определение Аристотеля эргона человека как особой формы жизни, основанной на первичности акта.

Вывод

Хотя идея политики неактивности Агамбена и его понятие обездоленной власти были развиты только в его недавних работах², с самого начала проекта «Homo Sacer», было совершенно ясно, что его философская археология стремится разорвать узел, который связывает политику и жизнь; то есть связь между сувереном и голой жизнью.

На основании проведенного анализа концепции биополитики Д. Агамбена мы можем сделать следующие выводы:

1. Во-первых, согласно проекту Агамбена «Homo Sacer» привилегированным примером для понимания биополитики является Холокост. Агамбен заходит так далеко, что утверждает, что концентрационный «лагерь является фундаментальной биополитической парадигмой Запада»³. Несмотря на его попытки продумать аналогии между Освенцимом и фабричным хозяйством, мы можем сделать вывод, что такие аналогии игнорируют важные

¹ Negri A. Giorgio Agamben: The Discreet Taste of the Dialectic// Giorgio Agamben: Sovereignty and Life, edited by Mathew Calarco and Steven De Caroli. Stanford: Stanford University Press, 2007. P. 120-121.

² Agamben G., The Use of Bodies. Stanford: Stanford University Press, 2016. P. 202.

³ Agamben G., Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life. Stanford: Stanford University Press, 1998. P. 181.

исторические и теоретические особенности. Хотя биополитическое является важным, даже необходимым, теоретическим пониманием отношений человека с другими животными, этого недостаточно для разработки целостной биополитической концепции. Нам нужен концептуальный аппарат, основанный не на способности мыслить ужасы геноцида людей, а на способности выразить сущность биополитики. Этот концептуальный аппарат не предназначен для противодействия мысли о биополитическом, он предназначен для дополнения биополитической концепции.

2. Во-вторых, соединение абсолютной обобщенной биоэнергетики и суверенной власти приводит к обществу, которое Агамбен назвал танатополитическим. Фабричную ферму Агамбен рассматривает как случай, когда биополитическое становится танатополитическим. Однако Агамбен не может объяснить, как танатополитика строится на исключительности человека.

3. В-третьих, для того, чтобы выполнить биополитическую задачу создания человека, Агамбен рассматривает человека лишь как «антропоморфное животное..., которое должно осознать себя как не-человека, чтобы быть человеком».¹ То, как Агамбен понимает человека, связано с его идеей, что биополитика развивается не через связи и контакты, а скорее через продуцирование субъективности через разделение и исключение. Связь этих идей можно понять, опираясь на утверждение Н. Лумана, что система обеспечивает свою устойчивость, опираясь на отрицание «нет».... Она защищается через отрицание от аннигиляции.²

4. В-четвертых, описывая странное напряжение между биополитикой и танатополитикой, Агамбен для обозначения политизированной жизни использует понятие «голая жизнь», которую, можно назвать «мертвой жизнью». То есть это жизнь, фундаментальным продуктом которой является смерть, потребление самой жизни.

---

¹ Agamben, G. *The Open: Man and Animal*. Stanford: Stanford University Press, 2010. P. 26-27.

² Luhmann, N. *Social Systems*. Stanford.: Stanford University Press, 1995. P. 371-372.

2.2. Онтологизация биополитики в работах А. Негри

Философ Антонио Негри разработал важную и весьма влиятельную переработку понятия биополитики Фуко. В книгах, написанных в соавторстве с М. Хардтом, Негри рассматривает перспективу «биополитического производства», которая имеет принципиальное значение для его биополитической концепции¹. Концепцию Империи А. Негри использует для описания новой глобальной системы господства, характеризующейся тесной взаимосвязью экономических структур с юридическими и политическими договоренностями. «Биополитическое производство» в этом контексте относится к стиранию разрыва между экономикой и политикой, между природой и культурой, обозначая неизвестную до сих пор стадию капиталистического производства. Автор связывает свои аргументы с итальянским движением за автономию рабочих, идеями классической политической и правовой теории, постструктуралистской критикой, сосредоточенной на идентичности и предмете, и марксистской традицией. Он объединяет эти различные теоретические источники и ссылки, чтобы дать исчерпывающий отчет о современных процессах господства.

Работы А. Негри вызвали большой интерес в академических кругах и в университетских городках, и были предметом страстных интеллектуальных дебатов. Одним из важных факторов, способствовавших огромному успеху его книг, особенно «Империи», которая стала бестселлером с более чем 40 000 экземпляров, проданных в первый год, было появление движения «анти» или «альтернативной глобализации» в начале нового тысячелетия. Многие активисты искали теоретические и концептуальные инструменты для анализа международной политики и реструктуризации современного капитализма, а

---

¹ Hardt, M. and Negri, A. *Empire: The New World Order*. Cambridge: Harvard University Press. 2000. См. там же: Hardt, M. and Negri, A. *Adventures of the multitude: response of the authors// Rethinking Marxism*. 3-4(13). 2001. P. 236-243; Hardt, M. and Negri, A., *Multitude: War and Democracy in the Age of Empire*, London: Penguin. 2004; Hardt, M. and Negri, A. *Commonwealth*, Cambridge: Harvard University Press. 2009.

труды Негри были мощным и очень влиятельным вмешательством в эту дискуссию. Им удалось захватить современные политические воображения и изменить лексикон теоретических дебатов. Империя и последующие книги также являются частью более широкой сети исследований и диалога, которая охватывает множество разнообразных теоретических и политических позиций.

Далее будут изложены основные характеристики Империи, поскольку без понимания данного концепта невозможно внести ясность в биополитическую концепцию Негри. Империя рассматривается как новая глобальная система господства, а также как «режим биоэнергетики»¹. В фундаментальной трансформации экономических структур и политических процессов, подчеркивает Негри, «биополитический контекст новой парадигмы является полностью центральным»². Дальнейшая разработка данной концепции осуществляется Негри в последующей книге «Множество и Содружество». Аргумент Негри заключается в том, что ранее неизвестный коллективный субъект, множество, появляется в новом глобальном порядке. Множество обозначает преобразующую силу, которая уклоняется от политического представительства народов, наций или классовых структур. С точки зрения Иноземцева В. Л., «Хардт и Негри исходят из того, что множество формируется только там, где возникает нечто общее — взаимодействия, коммуникации, новые формы нематериальной деятельности. Но совершенно неочевидно, что тем самым "множество организует само себя" в некое единое целое. Скорее, оно возникает из целостности общества, сложившейся помимо естественной эволюции того, что авторы понимают под собственно множеством»³.

В работе «Множество и содружество» Негри обсуждает идею общего достояния, утверждая, что она представляет радикальную альтернативу доминирующим формам собственности и преобладающим способам политической организации и воображения. В третьей части обсуждаются

---

¹ Hardt, M. and Negri, A. *Empire: The New World Order*. Cambridge: Harvard University Press, 2000. P. 41

² Ibid P. 26.

³ Иноземцев В.Л. Рецензия на книгу М. Хардта и А. Негри "Множество: война и демократия в эпоху империи"// Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 3(79). 2006. С. 157-167 (161).

некоторые теоретические проблемы и концептуальные несоответствия в изложении А. Негри, с акцентом на их концепцию биополитики и понятие «биополитического производства», которое они выдвигают. В заключении суммируется аргумент, подчеркивающий теоретические достоинства и политическую значимость работы Негри по биополитике, при этом отмечается, что есть некоторые открытые вопросы, требующие решения.

В труде «Империя» Хардт и Негри описывают то, что, по их мнению, представляет собой новый мировой порядок, который характеризуется тесной взаимосвязью экономических структур с юридическими и политическими договоренностями. Империя стоит, прежде всего, за «новую форму суверенитета»¹ и глобальную систему господства. Авторы утверждают, что, столкнувшись с развитием транснациональных и наднациональных организаций, таких как ООН и Европейский союз, и растущей важностью неправительственных организаций, регулирующая власть и политический авторитет национальных государств теряют свое значение. Хардт и Негри также наблюдают переход от традиционной политики, основанной на конституционных гарантиях, к формам вмешательства, которые следуют логике полицейского государства. Эти вмешательства действуют в соответствии с определением исключительных состояний и действуют во имя более высоких этических принципов. В отличие от предыдущих форм суверенитета, новый имперский суверенитет не снаружи и не имеет центра². Скорее, этот новый суверенитет представляет собой сеть самостоятельных и взаимодополняющих политических единиц, которые, вместе взятые, создают качественно иную систему правления. Хардт и Негри видят в экономическом измерении Империи новый этап мирового капиталистического производства, в который вовлечены и связаны все государства и регионы мира. Этот основополагающий тезис о безграничном процессе эксплуатации, однако, относится не только к конфигурации мирового рынка, но скорее к

---

¹ Hardt, M. and Negri, A. Empire: The New World Order. Cambridge: Harvard University Press. 2000. P. 11.

² Hardt, M. and Negri, A. Empire: The New World Order. Cambridge: Harvard University Press. 2000. P. 186-190.

недостигнутой ранее глубине капиталистической социализации. Сегодня это включает в себя не только рабочую силу, но и производство тел, интеллекта и аффекта.

Хардт и Негри предполагают, что с 1970-х годов произошли решительные изменения в способах производства. Они пишут, что парадигма промышленного капитализма все чаще заменяется «когнитивным капитализмом»¹. Эта форма капитализма отличается информатизированным, автоматизированным, сетевым и глобализированным производственным процессом и ведет к решающей трансформации субъекта труда. В этом контексте знания и творчества, язык и эмоции играют центральную роль в производстве и воспроизводстве в обществе. Согласно Хардту и Негри, информатизация производства и его организация в сети усложняют поддержание разделения между индивидуальной и коллективной работой и интеллектуальным и физическим трудом. Трансформация производственного процесса приводит к доминированию новой формы социализированной работы, которую Негри называет «нематериальной».

Три наиболее важных аспекта нематериального труда, представленные Негри, следующие:

1. Первый аспект связан с промышленным производством, которое было информатизировано и включило коммуникационные технологии таким образом, чтобы трансформировать сам производственный процесс.

2. Второй аспект - нематериальный труд, предполагающий решение аналитических и символических задач.

3. Третий тип нематериального труда включает в себя производство и манипулирование аффектами и требует виртуального или фактического человеческого контакта.²

Трансформация способов производства включает в себя изменение структур эксплуатации. Негри утверждает, что капиталистическая эксплуатация

---

¹ Negri, A. *Reflections on Empire*, Oxford: Polity. 2008. P. 64.

² Hardt, M. and Negri, A. *Empire: The New World Order*. Cambridge: Harvard University Press. 2000. P. 293.

действует сегодня, главным образом, через поглощение аффективных и интеллектуальных способностей к труду и укрепление социальных форм сотрудничества. Империя выступает за безграничную мобилизацию индивидуальных и коллективных сил для создания прибавочной стоимости. Все энергии и сферы жизни подчинены закону накопления: «ни Ничто, ни «голая жизнь, ни внешняя точка зрения не могут быть поставлены вне этого поля, пронизанного деньгами; ничто не ускользает от денег»¹.

В этом контексте Негри опирается на концепцию биополитики Фуко, но подвергает ее важному пересмотру. Он утверждает, что создание богатства в обществе «все больше склоняется к тому, что мы будем называть биополитическим производством, производством самой общественной жизни, в которой экономическое, политическое и культурное все в большей степени пересекаются и вкладывают друг в друга»². В этом смысле экономическая ценность связана не с производством материальных объектов, а с производством общественных отношений и форм жизни. Авторы описывают биоэнергетику как «реальное погружение общества в капитал»³. Они связывают идею вездесущей и всеобъемлющей биоэнергетики, опираясь на идеи, разработанные французским философом Жилем Делезом⁴. Делез утверждает в кратком эссе, что послевоенные западные общества все чаще превращаются из «дисциплинарных обществ» в «общества контроля». Контроль осуществляется в меньшей степени через дисциплинарные учреждения, такие как школы, фабрики и больницы, и в большей степени через мобильные и гибкие сети существования. Следуя Делезу, А. Негри рассматривает биополитику как форму «контроля, распространяющегося на глубины сознания и тела населения, и в то же время на все социальные отношения»⁵. Она направлена на

---

¹ Hardt, M. and Negri, A. *Empire: The New World Order*. Cambridge: Harvard University Press. 2000. P. 32.

² Hardt, M. and Negri, A. *Empire: The New World Order*. Cambridge: Harvard University Press. 2000. P. 32.

³ Hardt, M. and Negri, A. *Empire: The New World Order*. Cambridge: Harvard University Press. 2000. P. 255.

⁴ Deleuze, G. *Postscript on Control Societies*// G. Deleuze (ed.), *Negotiations 1972-1990*, New York: Columbia University Press, 1995. P. 177-182.

⁵ Hardt, M. and Negri, A. *Empire: The New World Order*. Cambridge: Harvard University Press. 2000. P. 24.

социальную жизнь в целом, но также включает в себя существование людей в их повседневной жизни.

Авторы критикуют Фуко как слишком приверженного парадигме дисциплинарной «биовласти» - оценки, которая едва ли подтверждается анализом Фуко либеральных и неолиберальных форм правления¹. Хардт и Негри приписывают Фуко «структурную эпистемологию»² и статичное понятие биополитики. Фуко сосредоточил свое внимание на нисходящих процессах власти, они утверждают, что смотрят на производительный динамический и творческий потенциал Империи. Концепция «биополитического производства» означает здесь двойную тенденцию капиталистической социализации. Это относится, прежде всего, к устранению разногласий между экономикой и политикой, которые обозначают новый этап капиталистического производства. Здесь, по их мнению, создание «жизни» больше не является чем-то ограниченным в сфере воспроизводства и подчиненным трудовому процессу; наоборот, «жизнь» теперь определяет само производство. Следовательно, разница между воспроизводством и производством все больше теряет значение. Если биоэнергетика когда-то стояла за воспроизводство производственных отношений и служила их защите и сохранению, то сегодня это неотъемлемая составляющая производства. Империя - это «режим биоэнергетики»³, в котором экономическое производство и политическая конституция имеют тенденцию пересекаться. Следствием этого является широкомасштабное сближение и параллелизм между дискурсами и практиками, которые традиционно были отделены друг от друга, но теперь втянуты в корреляцию.

Производство становится неотличимым от воспроизводства; производительные силы сливаются с производственными отношениями; постоянный капитал, как правило, формируется и представлен внутри переменного капитала, в мозгах, органах и кооперации производительных

---

¹ См.: Foucault, M., *Security, Territory, Population: Lectures at the College de France, 1977-78*, Hampshire and New York: Palgrave Macmillan, 2007; Foucault, M., *The Birth of Biopolitics: Lectures at the College de France, 1978-79*, New York: Palgrave Macmillan, 2008. P. 336.

² Hardt, M. and Negri, A. *Empire: The New World Order*. Cambridge: Harvard University Press. 2000. P. 24.

³ Hardt, M. and Negri, A. *Empire: The New World Order*. Cambridge: Harvard University Press. 2000. P. 24.

субъектов. Социальные субъекты являются одновременно производителями и продуктами этой унитарной машины.¹

Второе «биополитическое производство» для Хардта и Негри также обозначает новые отношения между природой и культурой. Это означает «цивилизацию природы»²; под природой здесь подразумевается все, что ранее было внешним по отношению к производственному процессу. Сама жизнь становится объектом технологического вмешательства, а природа «стала капиталом или, по крайней мере, стала объектом капитала»³. Биологические ресурсы являются объектом юридического и политического регулирования, тогда как ранее неразвитые «природные» районы были открыты для коммерческих интересов и потенциального промышленного использования. Таким образом, природа становится частью экономического дискурса. Вместо того, чтобы просто эксплуатировать природу, дискуссия в эпоху «устойчивого» или «экологического капитализма» посвящена переводу биологического и генетического разнообразия природы в экономический рост и его открытию для разработки новых продуктов и форм жизни.

Предыдущие этапы промышленной революции представляли товары народного потребления машинного производства, а затем станки машинного производства, но теперь мы сталкиваемся с сырьем машинного производства и продуктами питания, которые имеют искусственную природу и транслируют искусственную культуру.⁴

Негри видит это двойное исчезновение демаркации как переход от модерна к постмодерну. Когда экономика и политика, природа и культура сходятся, тогда больше не существует внешней точки зрения на жизнь или истину, которая могла бы быть противоположной Империи. Этот диагноз обосновывает перспективу имманентности, которая лежит в основе анализа

---

¹ Hardt, M. and Negri, A. *Empire: The New World Order*. Cambridge: Harvard University Press. 2000 P. 385. См. также: Hardt, M. and Negri, A. *Multitude: War and Democracy in the Age of Empire*, London: Penguin. 2004. P. 334-335; Hardt, M. and Negri, A., *Commonwealth*, Cambridge, MA: Harvard University Press. 2009. P. 132-133.

² Hardt, M. and Negri, A. *Empire: The New World Order*. Cambridge: Harvard University Press. 2000 P. 187.

³ Hardt, M. and Negri, A. *Empire: The New World Order*. Cambridge: Harvard University Press. 2000 P. 32.

⁴ Hardt, M. and Negri, A. *Empire: The New World Order*. Cambridge: Harvard University Press. 2000. P. 272.

автора. Империя создает мир, в котором она разворачивается: «Биоэнергетика - это форма власти, которая регулирует социальную жизнь изнутри, следуя ей, интерпретируя ее, поглощая ее и заново формулируя ее. Власть может эффективно управлять всей жизнью населения, только когда она становится неотъемлемой, жизненно важной функцией, которую каждый человек принимает и восстанавливает по собственному желанию»¹.

В той степени, в которой имперский порядок не только управляет субъектами, но и порождает их, эксплуатирует природу, а также производит ее, мы имеем дело с «автопоэтической машиной»², которая возвращается к имманентным оправданиям и, обосновывая её, создаёт себя. Вследствие этой новой биополитической реальности больше невозможно поддерживать двойственную перспективу, действующую на основе бинарных оппозиций - таких как основа и надстройка, материальная реальность и идеологическая завеса, бытие и сознание.

На этом этапе описание всеобъемлющей и безграничной системы правления превращается в видение сопротивления и освобождения. Хотя А. Негри и М. Хардт предполагают, что все социальные узы будут отнесены к капиталу, они связывают этот мрачный диагноз с революционной надеждой. Биополитика - это не только установление социальных отношений, охватывающих всех людей, чтобы включить их в круг полезности и ценности; это также готовит почву для нового политического субъекта. Биополитический порядок, в который Негри включает материальные условия для форм ассоциативного сотрудничества, которые предполагают отказ от структурных ограничений капиталистических производственных отношений: «Империя создает больший потенциал для революции, чем современные режимы власти, потому что она предоставляет нам, наряду с машиной управления,

---

¹ Hardt, M. and Negri, A. Empire: The New World Order. Cambridge: Harvard University Press. 2000. P. 23-24.

² Hardt, M. and Negri, A. Empire: The New World Order. Cambridge: Harvard University Press. 2000. P. 34.

альтернативу, а именно совокупность всех эксплуатируемых и покоренных, то есть множество, прямо противоположное Империи»¹.

А. Негри видит появление «множества» противостоящих имперских суверенитетов. Использование этого термина восходит к концепции, основанной на классической политической теории, которая сыграла решающую роль в мышлении раннего современного философа Баруха де Спинозы. Негри использует понятие «множество», чтобы описать гетерогенное и творческое целое, действующее в рамках властных отношений, без привлечения более высокого авторитета или основополагающей идентичности. Множество обязано своим образованием новым условиям производства в рамках «глобализированной биополитической машины»².

«Живая альтернатива, которая растет в Империи»³ более подробно описана в их последующей книге «Multitude». Те же компетенции, аффекты и формы взаимодействия, которые поощряются новыми структурами производства и власти, также подрывают их, поскольку они изолируют себя от монополизации и эксплуатации и пробуждают стремление к автономным и эгалитарным формам жизни и производственным отношениям. Авторы описывают видение преобразующей силы и формы ассоциации, которая объединяет различные способы социального сопротивления и уклоняется от политического представительства народов, наций или классовых структур⁴. Множество есть проект глобальной противоборствующей силы, которая означает возможность освобождения от господства и перспективы новых форм жизни и труда.

Чтобы концептуально обозначить эти разные динамики, авторы делают различие в множественности более сильно, чем раньше, между терминами «биоэнергетика» и «биополитика»: «биоэнергетика стоит над обществом, трансцендентно, как суверенная власть и навязывает ее порядок.

---

¹ Hardt, M. and Negri, A. *Empire: The New World Order*. Cambridge: Harvard University Press. 2000. P. 393.

² Hardt, M. and Negri, A. *Empire: The New World Order*. Cambridge: Harvard University Press. 2000. P. 40.

³ Hardt, M. and Negri, A. *Multitude: War and Democracy in the Age of Empire*, London: Penguin. 2004. P. 13.

⁴ Hardt, M. and Negri, A. *Multitude: War and Democracy in the Age of Empire*, London: Penguin. 2004. P.14-15.

Биополитическое производство, напротив, имманентно обществу и создает социальные отношения и формы посредством совместных форм труда».¹

Если биоэнергетика представляет власть над жизнью, то именно эта жизнь составляет основу, на которой формируются противоборствующие силы и формы сопротивления. Биополитика выступает не только против биоэнергетики, но и онтологически ей предшествует. Биологическая сила реагирует на живую и творческую силу, которая находится вне ее, которую она стремится регулировать и формировать, не будучи способной, слиться с ней. Биополитика относится здесь к возможности новой онтологии, которая происходит от тела и его сил. Такие соображения подтверждаются оценкой Фуко конфликтного поля биополитики и стратегического измерения практики сопротивления: «если бы не было сопротивления, не было бы властных отношений. Потому что это было бы просто вопросом послушания. ... Итак, сопротивление на первом месте, а сопротивление остается превосходящим силам процесса; Отношения власти обязаны меняться вместе с сопротивлением. Поэтому я считаю, что сопротивление - это главное слово, ключевое слово в этой динамике»².

Воинственность множества по-прежнему привержена пониманию того, что за пределами Империи не существует точки зрения, против которой она могла бы выступить. Она знает только внутреннее, жизненно важное и неотвратимое участие в множестве социальных структур, без возможности превзойти их. Это внутри продуктивного сотрудничества массовой интеллектуальности и аффективных сетей, продуктивности постмодернистской биополитики³. Парадокс биоэнергетики, согласно прочтению Хардта и Негри, проистекает из того факта, что те же тенденции и силы, которые обеспечивают поддержание и сохранение системы правления, в то же время ослабляют и могут свергнуть ее. Именно универсальность и совокупность этой систематической взаимосвязи

¹ Hardt, M. and Negri, A. *Multitude: War and Democracy in the Age of Empire*, London: Penguin. 2004. P. 94-95. См. также: Negri, A., *Reflections on Empire*, Oxford: Polity. 2008. P. 73-74.

² Foucault, M. *Sex, Power, and the Politics of Identity*// Rabinow (ed.), *Ethics: Subjectivity and Truth, Essential Works of Michel Foucault* by M. Foucault, New York: The New Press, 1997. P. 167.

³ Hardt, M. and Negri, A., *Empire: The New World Order*, Cambridge, MA: Harvard University Press. 2000. P. 413.

делает ее хрупкой и уязвимой: «Поскольку в имперской сфере производства биоэнергии и жизни, как правило, совпадают, классовая борьба может разразиться во всех сферах жизни»¹.

Данная идея «постмодернистской революции», которая стремится «создать альтернативное глобальное общество»², получила дальнейшее развитие в труде «Содружество», который был опубликован в 2009 году. В данном труде Негри повторяет аргументы, сформулированные в его более ранней публикации о том, что частная природа капиталистического накопления все больше становится препятствием для общественного развития биополитического производства. «Возрастающая гегемония биополитического производства»³ открывает неизвестные до сих пор революционные возможности и демократические возможности, поскольку она усиливает новые формы сотрудничества, автономии и сетевой организации.

Сохраняя теоретический аппарат и важные тезисы, Негри в книге «Содружество» расширяет и развивает некоторые свои идеи, особенно идею общего достояния и концепцию «демократии множества»⁴, которая опирается на формы самоуправления вне государства и капитала. Автор опирается на понятие докапиталистической формы общей собственности: «общее богатство материального мира - воздух, вода, почва и всякое изобилие природы», которое, как в классических европейских политических текстах часто утверждается, является наследием человечества в целом»⁵. Он также ссылается на понятие общего достояния для обозначения форм современного общественного производства и способов взаимодействия. Пересматривая древнюю традицию с недавними преобразованиями в социальных силах знания, аффектов и коммуникации, которые избегают частной собственности или публичной власти, автор стремится определить новую концепцию общего

---

¹ Hardt, M. and Negri, A. *Empire: The New World Order*. Cambridge: Harvard University Press. 2000. P. 403.

² Hardt, M. and Negri, A., *Multitude: War and Democracy in the Age of Empire*, London: Penguin. 2004. P. 94-95. См. также: Negri, A., *Reflections on Empire*, Oxford: Polity. 2008. P. 17.

³ Hardt, M. and Negri, A., *Commonwealth*, Cambridge, MA: Harvard University Press. 2009. P. 352.

⁴ Hardt, M. and Negri, A., *Commonwealth*, Cambridge, MA: Harvard University Press. 2009. P. 21.

⁵ Hardt, M. and Negri, A., *Commonwealth*, Cambridge, MA: Harvard University Press. 2009. P. 8.

достояния, которая выходит за рамки «ложных альтернатив» «частный-общественный» и «капиталистический-социалистический». Для Негри общественное достояние представляет собой радикальную альтернативу капитализму и социализму, которые, помимо очевидных политических различий, имеют общую черту - они оба отрицают и эксплуатируют общее.

Негри вносит терминологическое различие между понятиями биоэнергии и биополитики, согласно которому «первое можно определить (довольно грубо) как власть над жизнью, а второе как способность жизни сопротивляться и альтернативное производство субъективности»¹. Автор утверждает, что эта «двойственная природа биополитики»² игнорировалась Джорджо Агамбеном³ и Роберто Эспозито⁴, которые работали над принятием или пересмотром понятия биополитики Фуко. Негри полагает, что его вклад в дебаты по биополитике заключается в том, что их собственная работа не только подчеркивает производительные силы жизни в создании новых аффектов и желаний, но и рассматривает биополитику как создание новых субъективностей, которые одновременно представлены как сопротивление и десубъективация⁵.

Диагноз настоящего, поставленный в труде «Империя, а затем расширенный в работах «Множество» и «Содружество», стал предметом оживленных и противоречивых теоретических дебатов. В то время как некоторые видели в тезисах Негри «Коммунистический Манифест XXI века», который решительно обогащает критику капитализма⁶, другие сформулировали ряд важных возражений против авторского описания Империи и их идеи о биополитической продукции. Число критиков выросло за последние десятки лет. Среди ученых появляется все больше разочарования, и все больше и

¹ Hardt, M. and Negri, A., *Commonwealth*, Cambridge, MA: Harvard University Press. 2009. P. 57.

² Hardt, M. and Negri, A., *Commonwealth*, Cambridge, MA: Harvard University Press. 2009. P. 57.

³ Agamben, G., *Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life*, Stanford: Stanford University Press. 1998. P. 128.

⁴ Esposito, R., *Bios: Biopolitics and Philosophy*, Minneapolis and London: University of Minnesota Press. 2008. P. 113.

⁵ Hardt, M. and Negri, A., *Commonwealth*, Cambridge, MA: Harvard University Press. 2009. P. 58-59.

⁶ Zizek, S. Have Michael Hardt and Antonio Negri rewritten the Communist Manifesto for the Twenty-First Century?// *Rethinking Marxism*. 3-4(13). 2001. P. 81-88.

больше критиков высказываются против концептуального аппарата, развернутого и слегка измененного в ходе трех книг¹.

Ученые возражали против тезиса, что высоко социализированное биополитическое производство тесно связано с появлением посткапиталистической демократии. Этьен Балибар высказывал серьезные сомнения по поводу этого оптимистического прочтения. Он подчеркнул, что с учетом продолжающегося погружения всех аспектов социальной жизни в капиталистические отношения трудно представить, что «коммунистическая политика стала проще или спонтаннее, чем когда-либо»². Другие ставят под сомнение торжество внутренних революционных возможностей современного капитализма, поскольку этот диагноз имеет тенденцию преуменьшать монополистическую роль, которую частный капитал все еще играет в организации производства³. Критики также утверждают, что идеи Негри не дают какой-либо «политической оценки форм биополитики»⁴. Некоторые утверждают, что анализ Хардта и Негри развивается в работе «Империя», а последующие книги избегают конкретного анализа исторической ситуации и условий, которые позволяют множеству стать революционным субъектом. Согласно этому критическому прочтению, в описании используется «тот же старый детерминистский подход»⁵, который характеризовал телеологическую и экономическую традицию марксизма. Кроме того, читатели подвергли сомнению предложение Негри о включении всех форм труда и производства под заголовки нематериальные и биополитические, поскольку «акцент на биополитизации производства и нематериализации труда в конечном итоге

---

¹ Balakrishnan, G. *Debating Empire*, London: Verso. 2004; Calhoun, C, Cooper, E, and Moore, K.W. *Lessons of Empire: Imperial Histories and American Power*. New York: The Free Press. 2006; Frassinelli, *Biopolitical production, the common, and a happy ending: on Michael Hardt and Antonio Negri's Commonwealth// Critical Arts: A South-North Journal of Cultural and Media Studies*, 2(25) 2011. P. 119-131.

² Balibar, E. and Negri, A. *On the common, universality and communism: a conversation between Etienne Balibar and Antonio Negri// Rethinking Marxism*. 3(22). 2010. P. 325.

³ Zizek, S. *First as Tragedy, then as Farce*, London: Verso. 2009. P. 139.

⁴ Rabinow, R and Rose, N. *Biopower today// Biosocieties*, 1: 2. 2006. P. 199.

⁵ Mouffe, C. *On the Political*. New York: Routledge. 2005. P. 103.

преуменьшает различия между различными формами труда и социальной иерархией»¹.

Многие проблемы в аргументации Негри проистекают из того факта, что автор одновременно принимает и игнорирует революцию международных открытий»². Одним из примеров такого напряжения в данном мышлении является утверждение, что Империя «считает невозможным построить систему прав, адекватную новой реальности глобализации социальных и экономических отношений»³. Этот диагноз имеет смысл, только если правовая система понимается как принципиально внешняя по отношению к социальным отношениям (как их «выражение» или «надстройка»), а не воспринимается как неотъемлемая часть общества. Анализ, таким образом, рискует оценить настоящее в категориях прошлого. Возможно, центральная особенность «постмодернистского» или «имперского» правила состоит не в том, чтобы распоряжаться последовательной и универсалистской правовой системой, а в том, чтобы обеспечить «право полиции», которое создает и поддерживает порядок путем определения исключений и развертывания полицейских сил.

Необоснованное обозначение эпох соответствует некоторым ошибочным дихотомиям: построению внешних противоречий. Хотя Негри и Хардт демонстрируют невозможность «внешней позиции» по отношению к Империи, их отношение к жизни нарушает принцип имманентности. «Жизнь» в этом случае, как и в случае с Фуко, не настроена как материально-дискурсивная совокупность или как элемент исторических знаний; скорее это функционирует как оригинальная и трансторическая сила. Онтологическая концепция биополитики, предложенная Хардтом и Негри, настолько всеобъемлющая, что остается неясным, каким образом она может быть ограничена и как она связана с другими формами политических и социальных действий. Теоретическое слияние концепции биополитического производства и идеи управляющего

---

¹ Frassinelli, P. Biopolitical production, the common, and a happy ending: on Michael Hardt and Antonio Negri's Commonwealth// *Critical Arts: A South-North Journal of Cultural and Media Studies*, 2(25) 2011. P. 120.

² Hardt, M. and Negri, A. *Empire: The New World Order*. Cambridge: Harvard University Press. 2000. P. 70.

³ Hardt, M. and Negri, A. *Empire: The New World Order*. Cambridge: Harvard University Press. 2000. P. 394.

общества приводят к тому, что «биополитика» становится своего рода всеобъемлющей категорией, которая больше не отражает историчность и специфику политических технологий¹. Кроме того, словарь биополитики не позволяет им критически анализировать исторические преобразования в концепции жизни и ее значение для биотехнологических, медицинских и демографических практик.

Онтологизация биополитики А. Негри приводит к еще одной проблеме. Это позволяет им представить хорошо продуманную драматургию, которая последовательно противопоставляет два принципа: жизненная, автономная и творческая борьба множества против непродуктивной, паразитической и разрушительной Империи. Диагноз авторов правления Империи соответствует прославлению множества людей. Согласно Негри, множество людей является продуктивным и позитивным, в то время как Империя контролирует и ограничивает. Они считают, что «специфика коррупции сегодня - это разрыв сообщества единичных тел и препятствие для его действий - разрыв продуктивного биополитического сообщества и препятствие для его жизни»². Однако такое сопоставление теоретически неубедительно. Вместо представления об отношениях между Империей и множеством как одно между двумя различными онтологическими субъектами было бы более уместно проанализировать его как внутреннее отношение, которое производит и стабилизирует оба полюса в динамике «биополитического производства».

А. Негри и Хардт не ограничиваются отслеживанием исторического появления множества людей как новой политической фигуры. Они стремятся закрепить новый революционный субъект онтологически. Негри говорит, например, о «биодезире», который противопоставляется биоэнергетике: «Желание жизни, сила и богатство желания - это единственные вещи, которые мы можем противопоставить силе, которая должна налагать ограничения на

---

¹ Brieler, U. Genealogie im Empire, Zum theoretischen Produktionsverhältnis von Antonio Negri und Michel Foucault //C. Kammler and R. Parr (eds.), Foucault in den Kulturwissenschaften, Heidelberg: Synchron, 2007. P. 239-262.

² Hardt, M. and Negri, A. Empire: The New World Order. Cambridge: Harvard University Press. 2000. P. 392.

биодезир»¹. Существует опасность, что онтологический рендеринг биополитики, вопреки намерениям авторов, приведет к деполитизации их работы, когда они воспринимают множество как таковое как равноправную и прогрессивную силу, наделенную радикально-демократической силой.

Вместо того, чтобы способствовать социальной мобилизации, этот способ мышления может создать впечатление, что политическая борьба - это не что иное, как воплощение абстрактных онтологических принципов, которые почти автоматически протекают без участия, намерения или влияния конкретных действующих лиц². Это чтение может обеспечить интеллектуальную основу для новой философии истории или грандиозного повествования, согласно которому упадок Империи приведет прямо и без каких-либо обходных путей к сфере свободы³.

Теоретическое описание, разработанное в «Империи, множестве и Содружестве», напоминает политическую головоломку. С одной стороны, имперское правление означает ранее неизвестный контроль над жизненными силами. Он распространяется на все социальные отношения и проникает в сознание и тело человека. Поскольку Империя безгранична и нарушает традиционные границы между социальными полями и системными рациональностями, борьба и сопротивление всегда уже являются экономическими, политическими и культурными.

Кроме того, они имеют продуктивное и творческое измерение. Они не только противостоят устоявшейся системе правления, но и порождают новые формы общественной жизни и политических действий: «это биополитическая борьба, борьба за форму жизни. Они представляют собой основную борьбу, создающую новые общественные пространства и новые формы сообщества»⁴.

Как однажды сказал Пьер Мачери, отношения имманентности это не отношения преэминентности, связывающие воедино отдельные термины,

¹ Hardt, M. and Negri, A. *Multitude: War and Democracy in the Age of Empire*, London: Penguin. 2004. P. 94-95.

² Mouffe, C., *On the Political*, London and New York: Routledge. 2005. P. 104.

³ Demirovic, A. *Vermittlung und Hegemonie*// T. Atzert and J. Müller (eds.), *Immaterielle Arbeit und imperiale Souveränität*. Münster: Westfälisches Dampfboot 2004. P. 252-253.

⁴ Hardt, M. and Negri, A. *Empire: The New World Order*. Cambridge: Harvard University Press. 2000. P. 56.

лишенные отношения, следуя модели механистического определения; но он предполагает одновременность, совпадение, взаимное присутствие друг с другом элементов, которые он объединяет¹.

С этой точки зрения невозможно отличить биополитику от последствий ее операций и областей ее применения. Проблемы, указанные в предыдущем разделе, показывают, что Хардт и Негри лишь избирательно придерживаются принципа имманентности, что приводит к некоторой теоретической амбивалентности и концептуальным упрощениям. Однако, несмотря на (или даже из-за) эти проблемы и несоответствия, «Империя» и последующие книги Хардта и Негри являются важным вкладом в продолжающиеся дебаты по биополитике. Они не конец теоретического рассуждения, а скорее его начало - и они сами являются неотъемлемой частью поиска новых политических стратегий.

Выводы

На основании проведенного анализа концепции биополитики А.Негри мы можем сделать следующие выводы:

1. необходимо подчеркнуть, что идея антагонизма между продуктивной и творческой биополитикой снизу и паразитической и вампирической биоэнергией сверху не в состоянии охватить сложности сегодняшней политической проблемы.

2. Биополитическая ситуация, в которой мы находимся, связана не столько с контрастом между производством и разрушением, сколько с развитием разрушительного производства. С этой точки зрения речь идет не об установлении разницы между производством и непроизводством или приписывании движущих сил «биодезира», как предполагает Негри. Скорее, речь идет об изобретении производства, имеющего другие цели, и о поощрении иного стремления к автономным и эгалитарным формам жизни.

---

¹Macherey P. Hegel or Spinoza. Minneapolis: University of Minnesota Press. 2011. P. 154.

3. Проблема с концепцией биополитического производства Негри и Хардта не в том, что они зашли слишком далеко в своем анализе; напротив, они не заходят достаточно далеко. Их критическая стратегия серьезно ограничена. Политическая проблема заключается не в отсутствии истины, а в производстве конкретных истин и альтернативных и разных форм жизни.

4. На наш взгляд, основной вопрос заключается не в том, «как множество может стать политическим субъектом в контексте Империи»¹. Более неотложный вопрос заключается в том, какие политические проекты и стратегии составляют множество, и как можно реализовать демократическое и автономное самопроизводство.

---

¹ Hardt, M. and Negri, A. (2000), *Empire: The New World Order*, Cambridge, MA: Harvard University Press P. 394.

2.3. Сравнительный анализ концепций биополитики в работах М. Фуко, Дж. Агамбена, А. Негри

Исследование биополитической жизни, проведенной Мишелем Фуко, стало объектом пристального внимания Дж. Агамбена, который сконцентрировался на изучении биополитических свойств суверенной власти. Однако, как полагает Ожакангаз, обсуждение Агамбеном так называемой «голой жизни» приводит к совершенно другому проявлению биополитики¹. Чтобы исследовать эти различия между биополитическими концепциями М.Фуко, Дж. Агамбена, А.Негри, мы сосредоточимся на двух основных возражениях против фукианской концепции биополитики, которые содержатся в книгах «Номо Сасер», «Остатки Освенцима» и «Исключительное состояние» Дж. Агамбена. Первое критическое выражение касается фукианской периодизации биополитики и последующее излечение от смерти; во-вторых, его неспособность более точно провести теоретический анализ деятельности суверенного и биополитического правительства.

Первая главная критика Агамбеном М. Фуко касается его исторического повествования об изменении свойств государственной власти. В частности, это объясняет, как биоэнергетика работает. В «Остатках Освенцима», например, Агамбен утверждает, что Фуко приводит ряд оппозиций и исторических примеров, которые привели его к выводу, что суверенно-юридические, дисциплинарные и биополитические аспекты деятельности правительства являются «по существу разнородными» и «концептуально различными».

Эта проблема говорит о разрыве последовательных режимов власти в полной силе при обсуждении Фуко различий между суверенной властью, сосредоточенной на территории и биополитической властью, сосредоточенной на здоровье населения.

---

¹ Ojakangas, M.Impossible Dialogue on Bio-power: Agamben and Foucault// Foucault Studies. № 2(10), 2005. P. 5–28.

Агамбен утверждает, что переход от одного к другому в Фуко – малое взаимопроникновение различных видов государственного управления и многое другое о том, как «уступить дорогу» суверенно-юридическим и дисциплинарным полномочиям к «обратной» модели власти, основанной на факте «оживления».

Проведенный в работе «История сексуальности»¹ анализ Фуко суверенной власти и биополитики безусловно, поддается этой критике. Тем не менее, повторные призывы Фуко, что история форм власти не может разделяться на четко определенные периоды, на наш взгляд, являются соответствующими действительности. Действительно, мы сочли критику периодизации Агамбеном явно избыточной предостережением и направленной против идей, высказанных Фуко в своих лекциях о власти, где он ставит проблему «реактивации», а не «серии последовательных элементов». Кроме того, критика Агамбена, кажется, основана на слишком буквальном понимании фукианского понятия разрыва.

По нашему мнению, хотя Фуко понимал разрыв как движение к всеобъемлющей истории суверенной власти, он никогда не рассматривал разрыв как монотонную и немислимую пустоту между событиями, а скорее как способ говорить о социальных преобразованиях и трансформациях². Действительно, чтобы заменить непрерывность разрывом, необходимо будет заменять абсолют непрерывности одинаково абсолютным понятием разрыва. В этом духе, например, Батлер³ утверждает, что, хотя основное внимание было уделено исследованию суверенитета, исследования Фуко, как правило, касаются области возрождения полномочий, а не аккуратной хронологии когда-то соответствующей деятельности правительства.

Аргументация Агамбена состоит в том, что работа Фуко характеризуется постепенным смещением проблемы смерти. Повторяя предыдущую критику о

¹ Foucault M., *The History of Sexuality. An Introduction* New York: Vintage Books, 1990. P. 68.

² Foucault, M. *History, discourse and discontinuity*// Lotringer, S. (Ed.), *Foucault Live: Collected Interviews*, New York: Semiotexte. 1996. P. 33-50 (36).

³ Butler J. *Precarious Life*. London: Verso, 2006. P. 51-100.

пренебрежении Фуко к закону¹, Агамбен утверждает, что смысл критики периодизации заключается в том, что для Фуко структура государственной власти после 17-го века главным образом связана с технологией управления. Действительно, для Агамбена опора Фуко на биополитическую «жизнь» состоит в том, чтобы объяснить современные режимы власти. Якобы суверенно-юридическое и дисциплинарное «искусство» правительства приводит к «прогрессирующему свидетельству смерти». Агамбен полагает, что Фуко лишает смерть своего качества общественного обряда, в котором участвуют не только отдельные лица и семьи, но весь народ. Отсюда происходит превращение смерти во что-то, что нужно скрыть, что-то вроде личного позора².

Что стоит за этой прогрессивной дисквалификацией смерти, приведенной Фуко? На наш взгляд, ответ на этот вопрос напрямую связан с биополитикой³. Тем не менее, как хорошо подытожено в его анализе биополитики в контексте расизма, Фуко явно интересовался не столько запретом на смерть, сколько проблемами психиатрической власти и биополитикой⁴. Кроме того, язык, который Фуко использует для описания этой оживленной силы очень похож на язык, используемый Агамбеном для анализа «смертельной» биополитики. «Когда я говорю слово «убийство», я, очевидно, не использую просто «убийство» как таковое, но также и любую форму косвенного убийства. Факт состоит в том, подвергая кого-либо смерти, я увеличиваю риск смерти для других людей. Это является политической смертью, изгнанием, отторжением и т. д.⁵.

Второе критическое замечание Агамбеном Фуко состоит в том, что Фуко не работал достаточно над периодизацией власти. Он вместо этого был заинтересован в исследовании сложного удержания власти над жизнью в форме сближения во времени суверенно-правовых, дисциплинарных и

¹ Hunt A, Wickham G. Foucault and Law. London: Pluto Press. 1994. P. 87.

² Foucault M., The History of Sexuality. An Introduction New York: Vintage Books, 1990. P. 83.

³ Rose N., The Politics of Life Itself. Princeton: Princeton University Press, 2006. P. 314.

⁴ Foucault M., Psychiatric Power. New York: Palgrave Macmillan, 2003. P. 316-318.

⁵ Foucault M., Society Must Be Defended. New York: Picador, 2006. P. 256.

биополитических аспектов деятельности правительства. Например, Агамбен утверждает, что Фуко осуществляет интеграцию приемов субъективной индивидуализации и объективных процедур тотализации, которая никогда не материализуется. По большей части тотализация играет роль приоритетов субъективной индивидуализации. Основываясь на этом «логически неявном», но, тем не менее, «исчезающем» аспекте Фуко, Агамбен спрашивает, была ли неудачная попытка Фуко найти «скрытую точку пересечения» между этими двумя моделями власти, вытесняющими создание «единого центра» в основе современного государства¹. Такой подход к Фуко, который, по-видимому, «сводится к скрытому ядру суверенной власти» противоречит его гораздо более частое развертывание в качестве мыслителя, который проблематизирует и анализирует возможность политической власти в терминах объединяющей логики или сущности².

Итак, критика Агамбеном биополитической концепции Фуко состоит в том, что в фукианской концепции происходит смещение смерти, а также не раскрывается функциональное ядро биополитического правительства. Первый ход Агамбена в этой реконфигурации состоит в том, что суверенная власть - это способность удерживать жизнь в заложниках так называемого "суверенного запрета". Суверенный запрет на жизнь связан с противоречием между правовыми государствами (*nomos*) и природой (*physis*), которая состоит в том, что «тот, кто был осужден, на самом деле не просто находится вне закона, а скорее... подвергается угрозе на пороге, в котором жизнь и закон снаружи и внутри становятся неразличимыми³. С этой точки зрения, применение закона к жизни называется «*zoe*» (простой факт жизни). Его соединение с *bios* (политически квалифицированная жизнь) само по себе не является суверенной властью. Скорее, в основе суверенной власти лежит способность суверена преодолевать естественные и юридические заказы. Сила суверенитета о запрете

---

¹ Agamben G, *Homo Sacer* Stanford: Stanford University Press, 1998. P. 5-6.

² Agamben G, *Homo Sacer* Stanford: Stanford University Press, 1998. P. 5-6.

³ Agamben G, *Homo Sacer* Stanford: Stanford University Press, 1998. P. 28.

сводится к парадоксальной способности разоблачать и подвергать опасности живые существа через порог природы и закона, в котором закон переходит в насилие, а насилие - в закон.

Вторая и связанная с ней реконфигурация биополитики Агамбена касается фигуры *homo sacer*, человеческой жертвы, которая обитает в этом своеобразном пространстве между законом и природой. *Homo sacer* - это жизнь, которая исключена как из сферы *ius humanum* (сфера мирского), так и из *ius divinum* (сфера религиозного). *Homo sacer* можно убить без обвинения в убийстве. *Homo sacer* может быть принесен в жертву. Эта мрачная картина человеческой жизни, политизированная в силу своего отказа от ничейной земли между номосом и физисом, находится в центре в остатках Освенцима. Для Агамбена узник Освенцима - это физически незащищенный и сильно истощенный человек, это «труп» или «труп без смерти», это «последнее биополитическое» вещество, выделяемое в биологическом континууме¹. Согласно как Агамбену, так и Фуко, процесс «удвоения» населения должен быть биологически регулируемым, поэтому существует мобильный биополитический ценз, который выделяет среди населения более «деградирующие элементы» (то есть неарийцы, евреи, депортированные, заключенные и т.д.).

Таким образом, лагеря смерти не являются лишь местами уничтожения, а являются, скорее, предельной формой расистской биополитической технологии, которая противоречит целостности демократического народа. Для Агамбена, эти два аспекта суверенитета (закон и природа), а также концепт «*homo sacer*», собираются вместе, чтобы составить биополитическую концепцию. С одной стороны, это означает, что, в отличие от Фуко, агамбеновский анализ биополитики как второй тонкой настройки суверенно-юридической власти строится на идее, что «западная политика - это биополитика с самого начала»². Для Агамбена государственно-правовые и

¹ Agamben G., *Remnants of Auschwitz*. New York: Zone Books. 2002. P. 85.

² Agamben G., *Homo Sacer* Stanford: Stanford University Press, 1998. P. 181.

биополитические аспекты деятельности правительства не являются исторически и географически обусловленными моделями власти. Биополитика есть метаконструкт суверенно-юридической власти. Поскольку как Агамбен полагает, в связи с радикальной девальвацией жизни в лагере, биополитика существенно изменилась. Вместо сбора статистики и управления населением посредством совокупных операций, связанных с обслуживанием болезней, фертильности, сексуальности, старости, травм и т. д. государство выбирает другие способы применения этих методов, а именно государственный расизм, который составляет смертельную модель биополитики, которую один критик называет «эстетикой стихийных бедствий»¹. Это наиболее очевидно в труде «Остатки Освенцима»². В труде «История сексуальности»³ Фуко проводит различие между суверенитетом как властью "заставить умереть и дать жить" и биополитикой как силой "заставить жить и дать умереть", Агамбен утверждает, что биополитика в концентрационном лагере 20-го века приобретает гибридную форму.

Ключевым для Агамбена является то, что в лагере смерти производится абсолютное разделение живого существа и говорящего существа, *Zoe* и *Bios*⁴. Но, потому что Агамбен видит силу «заставить выжить» как состояние минимальной человеческой жизни, за пределами которой есть только смерть, он предпочитает использовать понятие «танатополитика» (политика как смерть), а не «биополитика» (политика как жизнь).

Фактически, в работе *Homo Sacer* (1998), говоря о лагерях как новых биополитических явлениях современности XX-го века, Агамбен предполагает, что биополитику следует понимать в его работе как танатополитику, в том случае, если рассматривать биополитику в крайней форме, как определение недостойности или бесполезности конкретной жизни.

¹ Mesnard P. The political philosophy of Giorgio Agamben: a critical evaluation// *Totalitarian Movements and Political Religions* 5(10), 2004. P. 153.

² Agamben G, *Remnants of Auschwitz*. New York: Zone Books. 2002. P. 105.

³ Foucault M. *The History of Sexuality*. Volume 1. New York: Vintage. 1978. P. 118.

⁴ Agamben G, *Remnants of Auschwitz*. New York: Zone Books. 2002. P. 154.

Танатополитика, как таковая, явно далека от продуктивного биологического регулирования населения. Сравните это, например, с обсуждением Мишелем Фуко биополитики как «силы, склонной к генерации сил, заставляющей их расти и не создающей препятствий для них, а также заставляющих их подчиняться или уничтожая их»¹. Агамбен основывается на фукианской концептуализации «государственного расизма». Уникальность подхода Агамбена к биополитике состоит в том, что он проводит разницу между «зарабатыванием на жизнь» и «выживанием» как таковым. Подход Агамбена к биополитике, в отличие от подхода Фуко, центрирует или восстанавливает власть в теле суверена.

Негри приводит этот же аргумент. Негри утверждает, что Агамбен концентрируется на «тех, кто обладают исключительной властью, а также на праве приостановить действие законов и властью диктатуры»². Тем не менее, мы считаем, что это не совсем то, что происходит в работе Агамбена. Например, в «Исключительном состоянии»³ Агамбен отказывается от абсолютной политической власти в лице государя. Агамбен говорит о состоянии исключения не как о «полноте сил», а как о «пустоте и бездействии закона», где на карту поставлено «открытие полностью аномального пространства для человеческой деятельности»⁴. К этому следует добавить, что на протяжении всей работы Агамбен последовательно рассматривает суверенную власть как «нелокализованный» феномен». В труде «Homo Sacer» лагерь является парадигматическим из-за того, что там происходит производство Homo sacer. Лагерь не является физическим пространством, существование которого юридически обоснованно. Аналогичным образом, в «исключительном состоянии» чрезвычайная ситуация является «единой

---

¹ Foucault M. The History of Sexuality. Volume 1. New York: Vintage. 1978. P. 136.

² Negri A. Kairos, Alma Venus, Multitudo// Time for Revolution , London: Continuum, 2003. P. 137- 289.

³ Agamben G. The State of Exception. Chicago: University of Chicago Press, 2005. P. 48.

⁴ Ibid. P. 49.

катастрофой», охватывающей всё пространство¹. Агамбен производит объединение биополитики с суверенитетом для того, чтобы в рамках его концепции исследовать этот суверенно-биополитический союз. Агамбен осуществляет описание суверенной биоэнергетики как зоны абсолютной неопределенности между беззаконием и законом»².

Работа Агамбена охватывает множество аспектов человеческого существования. Например, это позволяет Агамбену оспаривать бинарные оппозиции «закон-насилие», «культура-природа», «биологическая жизнь - политическая жизнь», «жертвоприношение-убийство» и вместо этого приводить эти отношения в продуктивные отношения друг с другом.

Итак, в отличие от Фуко, подход Агамбена к биополитике основывается на утверждении идеи «биополитического тела и голой жизни»³. В этом смысле мы считаем, что Агамбен из-за его толкования биополитики, в значительной степени, имеет несколько суженное понимание неравномерности политического, экономического и социального пространства.

Как и Агамбен, А. Негри критикует неоднозначное описание Мишелем Фуко биополитики. Как он пишет в «Империи», если «мы должны были спросить Фуко, кто или что управляет системой, или скорее, кто такой «биос», его ответ был бы невыразим, или вообще было бы отсутствие ответа»⁴. Он утверждает, что Фуко придерживается «структурной эпистемологии», которая фетишизирует власть как безликую функцию и игнорирует «онтологическую субстанцию» культурного и общественного производства»⁵.

Если Агамбен стремится определить биополитику через концепт Номо Сасер и отрицательную силу исключения, Негри пытается найти более продуктивное обоснование биополитики⁶. Данное обоснование, с точки зрения Негри, необходимо искать, основываясь на философии Б. Спинозы. Именно

---

¹ Ibid. P. 50

² Agamben G. The State of Exception. Chicago: University of Chicago Press, 2005. P. 57.

³ Agamben G. The State of Exception. Chicago: University of Chicago Press, 2005.

⁴ Hardt M, Negri A, Empire. Cambridge: Harvard University Press. 2000. P. 28.

⁵ Ibid. P. 28.

⁶ Thoburn N., Deleuze, Marx and Politics. London: Routledge, 2003. P. 112.

спинозистское качество работы Негри выступает, на наш взгляд, центральным основанием для ухода Негри от фукианской интерпретации проблем биополитики¹. В своей сольной работе (в которой Хардт не является соавтором) Негри исследует биополитику через концепцию продуктивной (или эффективной) жизни. Под продуктивной жизнью, следуя Спинозе, Негри понимает имманентную способность людей представлять собой социальную реальность, которая повышает не только способность существовать, но и возможности этого существования². Эта тема имеет центральное значение в труде «Kairos, Alma Venus, Multitudo»³, где Негри исследует продуктивную жизнь через концепцию кайроса. Для Негри «кайрос» - это способ описания отношений между «прошлым», «настоящим» и «будущим»⁴. Отказываясь от прошлого как простой аккумуляции и смерти событий, а также от будущего как «будущей продолжительности», или «предустановленного через повторения и константы», Негри основывается на кайросе как открытой, безмерной и революционной темпоральности. Действительно, в основе описания продуктивной жизни, которое дает Негри, лежит человеческая способность придавать значение постоянному разворачиванию событий через общую практику, которая "конструирует или превращает вещь в имя, а имя в вещь"⁵. В свою очередь, этот акт именованья представляет собой субъективность, и, в частности, общую субъективность множества общающихся тел. Этот креативный акт именованья является для Негри освобождением, которое позволяет миру выйти за пределы и выступать против существующих практик и систем смыслов⁶. Следовательно, продуктивная жизнь является онтологической в том смысле, что она порождает новые пути и формы бытия.

¹ Coleman M, Agnew J. The problem with empire// Crampton J., Elden S (eds.) Space, Knowledge and Power. Aldershot: Ashgat. 2007. P. 317 -340.

² Spinoza B, Ethics. Oxford: Oxford University Press. 2000. P. 171.

³ Negri A. Kairos, Alma Venus, Multitudo//Time for Revolution. Continuum, London. 2003. P. 137 -289.

⁴ Negri A. Kairos, Alma Venus, Multitudo//Time for Revolution. Continuum, London. 2003. P. 162.

⁵ Negri A. Kairos, Alma Venus, Multitudo//Time for Revolution. Continuum, London. 2003. P. 161.

⁶ Wolfe C T. Materialism and temporality: on Antonio Negri's «constitutive» ontology// Murphy T.S., Mustapha A-K. (eds) The philosophy of Antonio Negri 2: revolution in theory. London: Pluto Press, Sterling, 2007. P. 198- 220.

Из этого общего обсуждения кайроса и продуктивной жизни вытекает разработанное Негри определение биополитики как власти производить всю совокупность социальной жизни, биоса, в каждый момент настоящего.

Негри вносит различие между биополитикой и биопотенцией. Биополитику он описывает как «институт доминирования над жизнью», а также как «власть, которая создает биос»¹. Данное понимание близко к фукианской концепции биополитики. Ключевым в данной интерпретации является государство и капитал, институционализированные и паразитические формы биополитики, которые представляют собой ограничение продуктивной жизни. Под биопотенцией Негри понимает "потенциальную составляющую власти", "биос, создающий власть"². Биопотенция является именно онтологической субстанцией общественного производства³, которая, с точки зрения Негри, отсутствует в фукианской концепции власти. Итак, Негри придает биополитическим явлениям явно метафизическую конституцию. Изложение биополитики, предпринятое Негри, опирается на всеобъемлющую модель живого труда, который не является ни исторически, ни географически обоснованным.⁴ Наша точка зрения заключается в том, что концепция биополитики выступает в качестве сильной метафизической концепции в работах Негри, в отличие от тщательной, контекстно-зависимой концепции суверенной власти, войны и биополитики, которую разработал Фуко.

Различия этих концепций состоят в следующих положениях. Во-первых, для Негри биополитика, как и биопотенция позволяет объяснить социальный мир с точки зрения того, что оживляет всю общественную жизнь. Для Фуко, сама биополитика требует объяснения, а именно необходимо найти объяснения современным технологиями правительства, непредвиденные обстоятельства при проведении экспериментов в области политического и экономического

---

¹ Negri A. Kairos, Alma Venus, Multitudo//Time for Revolution.London: Continuum. 2003. P. 167

² Ibid P. 167.

³ Hardt M, Negri A. Empire. Cambridge: Harvard University Press, 2000 P. 28.

⁴ Negri A. Kairos, Alma Venus, Multitudo//Time for Revolution. London: Continuum. 2003. P. 152.

управления¹. Во-вторых, метафизический взгляд Негри рассматривает биополитику в универсалистских тонах доминирования и сопротивления. Негри взял на себя обязательство развивать концепцию биополитики без учета времени и места глобальной социальной борьбы. В его концепции универсальное неизбежно побеждает. Начиная с анализа особенностей биополитического производства, он переходит к рассмотрению обобщенных условий биополитической принадлежности, а также биополитической эксплуатации. При изложении универсальных условий эксплуатации и производства, Негри связывает биополитику с глобальной географией силы, что, на наш взгляд, может сужать смысл понятия биополитики.

Таким образом, Негри основывает свою биополитическую концепцию на понятии биопотенции и при этом освобождает место для возможности сопротивления, которую анализирует Агамбен.

Итак, мы видим три разных основания биополитических концепций Фуко, Агамбена и Негри:

1. биополитическая концепция Фуко основывается на понятиях войны и дисциплинарном обществе, то есть обществе норм и контроля.
2. биополитическая концепция Агамбена основывается на концепте голой жизни и танатополитики.
3. биополитическая концепция Негри основывается на понятии биопотенции.

Эти различные основания существуют на базовом уровне и приводят к разным концептуализациям биовласти. Данные различия между тремя биополитическими концепциями позволяют нам говорить о том, что понятие биополитика является предметом пылкой интеллектуальной борьбы и разногласий. К данному заключению приводят следующие два важных вывода:

1. Если бы Агамбен, Хардт и Негри одинаково использовали понятие биополитики для того, чтобы подчеркнуть "возвращение" суверенной власти в

---

¹ Dillon M, Lobo-Guerrero L. Biopolitics of security in the 21st century: an introduction// Review of International Studies 1(34). 2008. P. 265 - 292.

центр политической жизни и теории, то это привело бы к двум следствиям. Во-первых, толкование Агамбеном биополитики. В его концепции жизнь - это всегда и везде возможность смерти, или, скорее, производство голой жизни, которая является основной функцией суверенной власти, которая смешивает природу и политику, жизнь и закон. Действительно, хотя Агамбен не воскрешает суверенную власть в лице суверена как такового, и, таким образом, сохраняется фукианское обезглавливание суверена, он, тем не менее, вызывает своего рода «дыру» во власти. Власть превращается во всеохватывающую конституированную силу, которая пуста и бесформенна. Во-вторых, если в работе Агамбена суверенитет «возвращается» как невозможность мыслить жизнь и возможность жизни вне потенциальной смерти и, следовательно, невозможность мыслить политику и возможность политики вне суверенитета, то в работе Негри мы видим совершенно другой подход. На самом деле, суверенитет согласно Негри не может мыслиться «вне» или «за» пределами жизни. Например, в трудах «Империя» и «Множество» суверенная биоэнергетика не является центростремительной силой, притягивающей всю жизнь к орбите своей логики. Совсем наоборот: однажды в форме «машина суверенитета» суверенитет «возвращается» для Хардта и Негри, поскольку жизнь (то есть биопотенция) преобразует суверенитет в гипердиффузную и детерриториализированную форму, то есть в биоэнергетику. Итак, разница между концепциями Агамбена и Негри на проблему «возвращения» суверенитета сводится к двум различным представлениям о биополитике и биоэнергетике.

2. Во-вторых, фукианский подход к термину «биополитика» рассматривает жизнь, которая является объектом власти, которая обычно упоминается как «население», а точнее о разных формах индивидуальной и коллективной жизни. Это означает, что биополитика не может иметь прочной метафизической основы. Скорее как режим власти и знания, биополитика описывает рациональные идеи и программы правительств, которые зависят от определенных условий и возможностей. В этой точке как Агамбен, так и Негри

расстались с Фуко, о чем свидетельствует их мнение, что Фуко не совсем понимает «реальную динамику» биополитического общества, будь то с точки зрения его забвения смерти (Агамбен) или его отказ исследовать онтологическую сущность общественного производства (Негри). Агамбен, утверждая, что суверенный запрет является политическим отношением, и что производство голый жизни является исходным и постоянным ядром суверенной власти, рассматривает биополитику как необходимое условие существования современного человека. Концепция Негри, несмотря на её очевидные различия с концепцией Агамбена, основывается на метафизическом определении биополитики. Для Негри биополитика описывает врожденную способность человека производить общественную жизнь на краю времени. Для Агамбена, как и для Негри, биополитика работает как своего рода онтологический и метафизический якорь, трансцендентальное условие возможности для человеческого бытия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, проведенный философско-политологический анализ биополитических концепций М. Фуко, Д. Агамбена и А. Негри позволяет нам прийти к следующим выводам:

1. В начале XXI века концепция биополитики почти полностью монополизировала философские дебаты о политике, что ознаменовало новый этап в политической философии. Джорджо Агамбен подтвердил, что тот факт, что М. Фуко и Ж. Делез писали о жизни незадолго до своей смерти, доказывает, что вся философия политики, которая ценит себя современностью, должна исходить из концепции жизни. Шведский политолог Рудольф Челлен первым использовал слово «биополитика» - термин, который впоследствии был разработан немцами Фридрихом Ратцелем и Карлом Хаусхофером. Термин «биополитика» рассматривался ими как виталистский концепт государства. Это не просто метафора тела государства как органа с органами, системами и другими характеристиками живого организма, а скорее конкретная связь между политикой и биологией, особенно медициной.

2. Обзор истории и современного использования «биополитики», представленный в ВКР, показывает, что этот термин является комбинацией явно противоречивых элементов. Если политика в классическом смысле относится к государству за пределами жизненных потребностей, биополитика вводит рефлексивное измерение. То есть термин «биополитика» помещает во внутреннюю суть политики то, что обычно лежит за ее пределами, а именно тело и жизнь. С этой точки зрения, биополитика снова включает в себя то, что исключено из политики.

3. Важно отметить, что термин «биополитика» часто сочетался с термином «биоэнергетика», который Мишель Фуко использовал в качестве синонима «биополитики» без всякой дискриминации. С точки зрения М. Фуко, биоэнергетика - это западная технология власти, которая использует

биополитику, а именно осуществляется контроль населения с помощью аппарата нормализации, чтобы максимизировать жизненные процессы. Современные интерпретации этой концепции направлены на то, чтобы понять, как такие рассмотренные М. Фуко феномены, как «тело», «благополучие», «администрация», и «капитализм» усложняют процесс глобализации.

4. Представление Мишеля Фуко о «биополитике» в последние годы приобрело новое значение благодаря переработке, осуществлённой Антонио Негри и Джорджо Агамбенем, каждый из которых включил понятие «биополитика» в свои различные диагнозы современной политической ситуации. Но, несмотря на внимание к биологии и жизни, а также политизацию, они мало внимания уделяют таким темам, как, например, подчинение животных в режимах биоэнергетики, которые они критикуют.

5. В своей книге «Homo Sacer» Джорджо Агамбен развивает концепцию биоэнергетики Фуко, синтезируя римскую идею закона, концепт «homo sacer» и греческие концепции биоса, политической жизни, а также понятие «голая жизнь».

6. Введенное Джорджо Агамбенем концептуальное разделение между физической жизнью (в древней Греции называемой «Zoe») и политически квалифицированной жизнью («Bios») вывело биополитический дискурс на новый уровень концептуализации. Традиционно эти две формы жизни требовали различного научного анализа, и обычно ученые-социологи не обращали особого внимания на телесность человеческих тел. Тем не менее, благодаря Мишелю Фуко само различие между физической и политической жизнью стало сомнительным из-за социальных, политических и культурных основ кажущегося физического и материального функционирования человеческих тел и их неизбежного включения в различные социальные контексты.

7. Джорджо Агамбен добавил к видению биополитики Фуко то, что суверенная власть укрепляется посредством контроля над биологической жизнью своих граждан. Он создал концепцию «голой жизни», которая

обозначает жизнь без какой-либо посреднической роли государственных институтов или правовых механизмов, которая ведет к физической борьбе за выживание за пределами сферы государственных институтов, законов и норм. Агамбен распространил идею биополитики от ее либерального прочтения до области суверенитета, в которой жизнь может быть взята не в прямом смысле убитого, а в переносном смысле унижения или отказа. Ликвидация без убийства приводит к временному, ненадежному, просто фактическому существованию.

8. Общность взглядов Дж.Агамбена и М.Фуко состоит в том, что Агамбен соглашается с Фуко в идее, что право на смерть, суверенная власть, не уступало биоэнергетике, но всегда было ее аналогом, действующим в рамках административной бюрократии и, которое привело к таким зверствам, как Холокост.

9. Однако в отличие от М. Фуко, Д. Агамбен видит усиление биополитики проблематичным после окончания нацистской и сталинской диктатур. Он утверждает, что с тех пор биополитика вышла за пределы первоначальной идеи.

10. Политический философ Антонио Негри осуществил важную и очень влиятельную переработку понятия биополитики М. Фуко. В книгах «Империя», «Множество: война и демократия в эпоху империи» и «Содружество» он обрисовывает контуры постмодернистской биополитики. Перспектива «биополитического производства», представленная в его книге, написанная в соавторстве, имеет жизненно важное значение для его аргументации. Это связано с концепцией Империи, которую Негри использует для описания новой глобальной системы господства, характеризующейся тесной взаимосвязью экономических структур с юридическими и политическими договоренностями. «Биополитическое производство», с этой точки зрения, относится к стиранию разрыва между экономикой и политикой, между природой и культурой, обозначая неизвестную до сих пор стадию капиталистического производства. А. Негри связывает свои аргументы с

итальянским движением за автономию рабочих, идеями классической политической и правовой теории, постструктуралистской критикой, сосредоточенной на идентичности и марксистской традицией.

11. А. Негри расширяет концептуальные рамки биополитической концепции Фуко и применяет эту концепцию для объяснения таких феноменов, как глобальное доминирование транснациональных корпораций, которые структурируют глобальные территории биополитически, и новые формы труда, которые производят или манипулируют такими воздействиями, как чувства легкости, благополучия, удовлетворения, волнения или страсти. С точки зрения А. Негри, нематериальный труд является биополитическим. С этой точки зрения, биополитическую концепцию А. Негри можно рассматривать как продолжение биополитических идей М. Фуко.

12. Однако, в отличие от М. Фуко, А. Негри проводит разграничение между биоэнергией и биополитикой: биоэнергия - это то, что имперский суверенитет или Империя использует как «власть» над силами общественного производства, в то время как биополитика предназначена для захвата и понимания движения множества, которое в своем сопротивлении биоэнергетике постепенно проявляет себя как «сила», чтобы создать общность, которая бросает вызов реакционному правилу биоэнергетики.

Таким образом, находясь под влиянием биополитической концепции М. Фуко, а также ряда известных западных философов (М. Хайдеггера, Ж. П. Сартра и др.), Дж. Агамбен и А. Негри объединяют данные различные теоретические источники, чтобы их биополитические концепции позволили понять, как протекают современные процессы господства, а также развить идеи о возможностях политической борьбы и перспективе социальной революции в западных странах, связанной, в частности, с глобальным экономическим кризисом, вызванным пандемией коронавируса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Декарт Р. Сочинения в 2 т. М.: Мысль, 1989. 654 с.
2. Ден В. Э. Учение Рудольфа Челлена о предмете и задачах геополитики // Известия РГО. 1997. Т. 129. Вып. 1. С. 26–38.
3. Желнин А.И. Биополитика и биополитическая экономия: сущность концептов // Вестник Пермского государственного национального исследовательского университета. № 3(10). 2019. С. 320-330.
4. Зуб А.Т. Биология и политика (методологический анализ биополитической исследовательской программы). Докторская диссертация. М.: МГУ, 1994. 423 с.
5. Зуб А.Т. Социобиологические подходы к некоторым проблемам социальной теории // Западная теоретическая социология 80-х годов. М.: ИНИОН АН СССР, 1989. С. 96–124.
6. Зуб А.Т. Социобиология: возможности и границы в исследовании природы человека // Проблема человека в философии / Под ред. А.Т. Зуба. М.: Университетский гуманитарный мир, 1998. С. 64–72.
7. Иноземцев В.Л. Рецензия на книгу М. Хардта и А. Негри "Множество: война и демократия в эпоху империи"// Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 3(79). 2006. С. 157-167.
8. Каримский А.М. Социальный биологизм: природа и идеологическая направленность. М.: Мысль, 1984. 208 с.
9. Карпинская Р. С., Лисеев И. К., Огурцов А. П. Философия природы: коэволюционная стратегия . - М. : Фирма "Интерпракс", 1995. 352 с.
10. Карпинская Р.С. Биология в контексте глобального эволюционизма // Глобальный эволюционизм. М.: Изд-во ИФ РАН, 1994. 150 с.
11. Карпинская Р.С., Никольский С.А. Социобиология. Критический анализ. М.: Мысль, 1988. 203 с.
12. Кобылин И.И. Исток и сингулярность. Джорджо Агамбен и Мишель Фуко о рождении биовласти//Философия и общество. №3(63), 2011. С. 171-183.

13. Кудина О.М. Оппозиция человека священного (*homo sacer*) и человека политического в концепции Дж. Агамбена// Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. № 4(22). 2013. С. 73-82.
14. Лоренц К. Агрессия (так называемое "зло"): Пер. с нем. - М.: Издательская группа "Прогресс", "Универс", 1994. 272 с.
15. Ламетри Ж. О. Человек-машина// Ламетри Ж. Сочинения. М.: Мысль, 1976. С. 183-244.
16. Опарин А.Ю. Концепция биополитики Мишеля Фуко в контексте современного неолиберального социального порядка // Сахаровские чтения 2018 года: экологические проблемы XXI века, Минск, 2018. С. 84-86.
17. Спиноза Б. Этика. Минск: Харвест, Москва: АСТ, 2001. 336 с.
18. Самовольнова О.В. Социально-философский анализ основных концепций биополитики: М. Фуко, Дж. Агамбен, А. Негри // Вестник РГГУ. Сер. «Философия. Социология Искусствоведение». № 2(10). 2017. С. 261-271.
19. Сивков Д.Ю. Биополитика, мессианизм и экономия спасения в философии Джорджо Агамбена // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 8(83) 2013. С. 107-112.
20. Смирнов К.С., Барковская А.Ю. *Homo Sacer*: к вопросу о праве на жизнь в условиях антропологического кризиса// Философия права. № 2(51). 2012. С. 33-35.
21. Фуко М. Археология знания. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2012. 416 с.
22. Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002. 384 с.
23. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997. 698 с.
24. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.

25. Фуко М. Нужно защищать общество. СПб.: Наука, 2005. 312 с.
26. Фуко М. Порядок дискурса / Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко. М. : Касталь, 1996. 448 с.
27. Фуко М. Рождение биополитики. М.: Наука, 2010. 448 с.
28. Фуко М. Рождение клиники. М.: Академический проект, 2010. 252 с.
29. Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук. СПб.: А-сад, 1994. 408 с.
30. Фуко М., Безумие и неразумие. История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997. 704 с.
31. Фурс В.Н. Философия Мишеля Фуко и проблема человека во французском постструктурализме: автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. филос. наук. Минск, 1997. 15 с.
32. Хардт М., Негри А. Множество: Война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006. 510 с.
33. Челлен Р. Государство как форма жизни. М.: Издательство: Российская политическая энциклопедия, 2008. 319 с.
34. Agamben G., *The Use of Bodies*. Stanford: Stanford University Press, 2016. 322 p.
35. Agamben G, *Remnants of Auschwitz*. New York: Zone Books. 2002. 176 p.
36. Agamben G. *Sovereign power and bare life*. Stanford: Stanford University Press, 1998. 228 p.
37. Agamben G. *The Highest Poverty: Monastic Rules and Form-of-Life*. Stanford: Stanford University Press. 2013. 180 p.
38. Agamben G. *The State of Exception*. Chicago: University of Chicago Press, 2005. 104 p.
39. Agamben G. *What is a Destituent Power?// Environment and Planning: Society and Space*, 32 (1), 2014. P. 65–74.
40. Agamben G., *Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life*. Stanford: Stanford University Press, 1998. 228 p.

41. Agamben, G. *The Open: Man and Animal*. Stanford: Stanford University Press, 2010. 120 p.
42. Agamben, G., *Means Without End: Notes on Politics*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2000. 156 p.
43. Badiou A., *Logics of Worlds: Being and Event II*. New York: Continuum. 2009. 636 p.
44. Balakrishnan, G. *Debating Empire*, London: Verso. 2004. 288 p.
45. Balibar, E. and Negri, A. *On the common, universality and communism: a conversation between Etienne Balibar and Antonio Negri// Rethinking Marxism*. 3(22). 2010. P. 325-335.
46. Binding K. *Zum Werden und Leben der Staaten*. Munich: Zehn Staatsrechtliche Abhandlungen. Munich: Dunckerand Humblot.1920. 164 p.
47. Brieler, U. *Genealogie im Empire, Zum theoretischen Produktionsverhältnis von Antonio Negri und Michel Foucault //C. Kammler and R. Parr (eds.), Foucault in den Kulturwissenschaften*, Heidelberg: Synchron, 2007. P. 239-262.
48. Butler J. *Precarious Life*. London: Verso, 2006. 168 p.
49. Calhoun, C, Cooper, E, and Moore, K.W. *Lessons of Empire: Imperial Histories and American Power*. New York: The Free Press. 2006. 342 p.
50. Clough, P., Wilse, C. (eds). *Beyond Biopolitics: Essays on the Governance of Life and Death*. Durham,: Duke University Press. 2011. 400 p.
51. Coleman M, Agnew J. *The problem with empire// Crampton J., Elden S (eds.) Space, Knowledge and Power*. Aldershot: Ashgat. 2007. P. 317 -340.
52. Da Costa, Beatriz and Philip K.(eds). *Tactical Biopolitics: Art, Activism, and Technoscience*. Cambridge: MIT Press. 2008. 536 p.
53. Daele van den W. *Biopolitik, Biomacht und soziologische Analyse // Leviathan*. № 37. 2009. P. 64-68.
54. Deleuze, G. *Postscript on Control Societies// G. Deleuze (ed.), Negotiations 1972-1990*. New York: Columbia University Press,1995. P. 177-182.

55. Demirovic, A. *Vermittlung und Hegemonie*// T. Atzert and J. Miiller (eds.), *Immaterielle Arbeit und imperiale Souveranität*. Münster: Westfälisches Dampfboot 2004. P. 252-253.
56. Dennert, E. *Der Staat als lebendiger Organismus*. Halle: C. E. Müller, 1920. 170 p.
57. Dillon M, Lobo-Guerrero L. *Biopolitics of security in the 21st century: an introduction*// *Review of International Studies*. № 1(34). 2008. P. 265- 292.
58. Esposito R. *Bios: Biopolitics and Philosophy*. Minneapolis: Minnesota University Press, 2008. 304 p.
59. Esposito R. *Two. The machine of political theology and the place of thought*. New York: Fordham University Press, 2015. 248 p.
60. Esposito R. *Persons and Things: From the Body's Point of View*. Cambridge: Polity Books, 2015. 147 p.
61. Foucault M. *The History of Sexuality, Volume 1: An Introduction*. New York: Pantheon Books, 1990. 168 p.
62. Foucault M., *Psychiatric Power*. New York: Palgrave Macmillan, 2003. 408 p.
63. Foucault M., *Society Must Be Defended*. New York: Picador, 2006. 336 p.
64. Foucault, M, *The Birth of Biopolitics: Lectures at the College de France, 1978-79*, New York: Palgrave Macmillan, 2008. 346 p.
65. Foucault, M. *History, discourse and discontinuity*// Lotringer, S. (Ed.), *Foucault Live: Collected Interviews*, New York: Semiotexte. 1996. P. 33-50.
66. Foucault, M. *Sex, Power, and the Politics of Identity*// Rabinow (ed.), *Ethics: Subjectivity and Truth, Essential Works of Michel Foucault by M. Foucault*, New York: The New Press, 1997. P. 382-390.
67. Foucault, M., *Security, Territory, Population: Lectures at the College de France, 1977-78*, New York: Palgrave Macmillan, 2007. 436 p.
68. Frassinelli O. *Biopolitical production, the common, and a happy ending: on Michael Hardt and Antonio Negri's Commonwealth*, *Critical Arts: A South-North Journal of Cultural and Media Studies*. № 2(25). 2011. P. 119-131.
69. Hahn, E. *Der Staat, ein Lebewesen*. Munich: Dt. Volksverlag. 1926. 134 p.

70. Hardt, M. and Negri, A. *Commonwealth*, Cambridge: Harvard University Press. 2009. 448 p.
71. Hardt, M. and Negri, A. *Empire: The New World Order*. Cambridge: Harvard University Press. 2000. 478 p.
72. Hardt, M. and Negri, A. *Adventures of the multitude: response of the authors// Rethinking Marxism*. № 3-4(13). 2001. P. 236-243.
73. Hardt, M. and Negri, A., *Multitude: War and Democracy in the Age of Empire*, London: Penguin. 2004. 448 p.
74. Hobbes T. *Leviathan*. Oxford: Oxford University Press, 1996. 576 p.
75. Hunt A, Wickham G. *Foucault and Law*. London: Pluto Press. 1994. 149 p.
76. Kjellén R. *Grundriss Zu Einem System Der Politik*. Leipzig: S. Hirzel, 1910. 130 p.
77. Kjellén, R., *Staten som lifsform*. Stockholm, 1916. 216 p.
78. Kjellén, Rudolf, *Die Grossmaechte vor und nach dem Weltkriege*. Leipzig, Berlin, 1930. 159 p.
79. Lemke T., *Biopolitics: An Advanced Introduction*. New York: New York University Press, 2011. 158 p.
80. Luhmann, N. *Social Systems*. Stanford.: Stanford University Press, 1995. 682 p.
81. Macherey P. *Hegel or Spinoza*. Minneapolis: University of Minnesota Press. 2011. 264 p.
82. Masters D. *The Nature of Politics*. New Haven: Yale University Press, 1989. 315 p.
83. Mesnard P. *The political philosophy of Giorgio Agamben: a critical evaluation// Totalitarian Movements and Political Religions*. № 5 (10). 2004. P. 137-157.
84. Mouffe, C. *On the Political*. New York: Routledge. 2005. 154 p.
85. Negri A. *Giorgio Agamben: The Discreet Taste of the Dialectic// Giorgio Agamben: Sovereignty and Life*. Stanford: Stanford University Press. 2007. P. 109-125.
86. Negri A. *Kairos, Alma Venus, Multitudo// Time for Revolution* , London: Continuum, 2003. 230 p.

87. Negri, A. *Reflections on Empire*, Oxford: Polity. 2008. 200 p.
88. Ojakangas, M. *Impossible Dialogue on Bio-power: Agamben and Foucault*// *Foucault Studies* 2(10), 2005. P. 5–28.
89. Rabinow, R and Rose, N. *Biopower today*// *Biosocieties*. № 1 (2). 2006. P. 196-217.
90. Roberts, M. *Biopolitics: An essay in the physiology and pathology and politics of the social and somatic organism*. London: J.M. Dent. 1938. 240 p.
91. Rose N., *The Politics of Life Itself*. Princeton: Princeton University Press, 2006. 363 p.
92. Schubert G. *Evolutionary Politics*. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1989. 424 p.
93. Selety, Georg. *Die Politik des Lebens: Ein Grundriss für den Bau der Menschheitsorganisation*. Wien: Anzenburger Verlag, 1918. 277 p.
94. Somit A. *Toward a more biologically oriented political science* // *Midwest J. Polit. Sci.* 1968. V. 12. P. 550–567.
95. Somit A., Slagter R. *Biopolitics: Heutiger Stand und weitere Entwicklung // Politik und Biologie. Beiträge zur Life-Science-Orientierung der Sozialwissenschaften*. Berlin: Verlag Paul Parey, 1983. P. 31–37.
96. Somit A., & Peterson S. A. (eds.) *Biopolitics and mainstream political science*. Dekalb: Program for Biosocial Research. 1990. 255 p.
97. Thoburn N., *Deleuze, Marx and Politics*. London: Routledge. 2003. 224 p.
98. Thorson, T. L. *Biopolitics*. New York: Holt, Rinehart and Winston. 1970. 216 p.
99. Uexküll J. von. *Staatsbiologie. Anatomie-Physiologie-Pathologie des Staates*. Berlin: Gebrüder Paetel, 1920. 54 p.
100. Watkin W. *Agamben and Indifference: A Critical Overview*. London: Rowman & Littlefield International, 2014. 316 p.
101. Weingart, K., Bayertz R. *Blut und Gene*. Frankfurt: Suhrkamp Verlag. 1992. 746 p.

102. Wolfe C T. Materialism and temporality: on Antonio Negri's «constitutive» ontology//Murphy T.S., Mustapha A.K. (eds) The philosophy of Antonio Negri 2: revolution in theory. London: Pluto Press, Sterling, 2007. P. 198 - 220.
103. Zizek S. First as Tragedy, then as Farce, London: Verso.2009. 157 p.
104. Zizek S. Have Michael Hardt and Antonio Negri rewritten the Communist Manifesto for the Twenty-First Century? //Rethinking Marxism. № 3-4 (13). 2001. P. 81-88.

Источники на электронных носителях:

105. Ениколопов Р. Введение // Экономическая политика во времена COVID-19. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: [https://www.nes.ru/files/COVID19\(21apr2020\).pdf](https://www.nes.ru/files/COVID19(21apr2020).pdf) (дата обращения: 14.05.2020)
106. Шеин М. Европейская политика и коронакризис: технократизм vs популизм. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://globalaffairs.ru/articles/evropolitika-korona-tehnokratizm/> (дата обращения: 19.05.2020)